ДРУГОЕ ПОЛУШАРИЕ

**ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО
АВАНГАРДА**

№ 08 / 2009

ЗА
УМЬ
DADA
АБСУРД
БУК-АРТ
СМЕШТЕХ
КОМБИНАТОРИКА
ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ
SONORA POESIA / SOUND POETRY
ТЕОРИЯ, КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
АВ
АН
ГА
РДА

От футуризма к неофутуризму.
Эксперимент - Поиск - Ожившее Слово

**Журнал выходит при поддержке Международной Академии Зауми
и литературной группы «Другое полушарие / СССР!»**

Периодичность: 4 номера в год

Contact: drugpolushar@yandex.ru

Site: http://drugpolushar.narod.ru/drugPolusharie.htm

ДРУГОЕ ПОЛУШАРИЕ /ANOTHER HEMISPHERE. – 2009. - № 08. – 101 стр.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА / CONTENT

ОПЯТЬ ОБ ГОГОЛЯ!

TEXT POETRY

VISUAL POETRY

ZAUANA ЛИZ

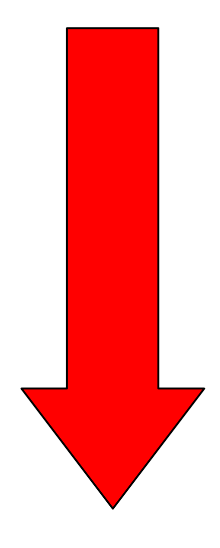
ДРУГАЯ ДРАМАТУРГИЯ

BOOK ART

ДП-АРХИВ

УЧИТЕСЬ ХУДОГИ!

MEMORY: ГОД БЕЗ АННЫ

ОПЯТЬ ОБ ГОГОЛЯ!

Александр МОЦАР
Aleksander Motsar
(Киев)

1

Тень от памятника Гоголю - памятник Хармсу.
Так утверждают те, у кого открыт третий глаз.
Так говорил Заратустра по кличке Поприщин.
И еще несколько сот человек, у кого до пупа бородищи.

В общем, это не тайна, об этом многие знают.
Они подходят к памятнику Гоголя и, цветы возлагают
Даниилу Хармсу, а прохожие думают Николаю Гоголю.
А потом возложившие влипают в очередную историю.

В одну из тех, что когда-то придумал Хармс Даниил
Автор этих строк не одну из них в жизнь воплотил.

2

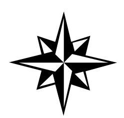
Все мы вышли из коммуналки Хармса
В которой висела шинель Гоголя
В шинели Хармс сочинял рассказы
Стихи сочинял совершенно голым

Голый и совершенный сидел за столом он
Залитый лунным светом
И выводил на листе бумаги пером
Своих современников стихотворные портреты

Потом одевал шинель Гоголя
Чтобы быть выше
под задницу подкладывал том Пушкина
Делался очень грустным и строгим
От того что из окон вываливаются насмерть старушки

Такова технология написания текстов Хармса
Даниила Ивановича
Это вам не то что сочинять всякое дерьмо вроде стансов
В стиле Гумилева Николая Степановича

А что до коммуналки с протекающей крышей
Из которой исчез Хармс в августе 1941 года
Скажу так: "нахрена мы из нее вышли
Если обратно войти не можем"

TEXT POETRY

Света ЛИТВАК
Sveta Litvak
(Москва)

*

к к
+
и и
+
е е е
+
г г г г
+
д д д д
+
л л л л
+
ж ж ж ж
+
н н н н н
+
м м м м м м
+
т т т т т т т
+
о о о о о о о о о о о о о о о

кто много должен, тот долго множим
кто долго может, тот многим должен

ПАЛИНДРОМ

Я С вета в хуеухвате вся

АНАГРАММА

Укроти эротику

* * *

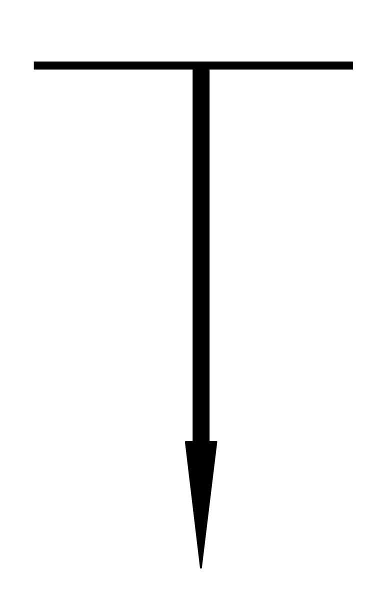
ющиха трактер
свиньюжен лающ

* * *

сты рас рас пре
рас пре сты
пре рас сты сты сты
пре
рас
пре пре пре
пре пре пре рас
пре пре пре сты сты сты рас
пре пре пре

* * *

стук колёс паровос
ось ос
пара воз зов ввёз
взь взь обрдвг дзынь

Арсен МИРЗАЕВ
Arsen Mirzaev
(СПб)

ЦЕПОЧКА ТАНКЕТОК

Танкетки изобрел, говорят, екатеринбургский автор Алексей Верницкий (подробнее о танкетках как новом виде и жанре пиитическом – в том же номере «Футурума», - № 7-8, стр. 115-118). Являют они собой твердую поэтическую форму и подчиняются ряду правил и установок: танкетки не должны иметь знаков препинания; состоять обязаны из 6 слогов, разбитых на две строки (либо по 3 слога в каждой, либо - 2 и 4; в крайнем случае - 1 и 5 или 5 и 1); слов в танкетках должно быть не более пяти.
А я как-то спонтанно придумал такую вот цепочку танкеток, в которой строчки связываются попарно-ассоциативно.

стратегия
гея

логика
гомика

и гений
не говно

и танк
не танкетка

вытурили
турка

и пригрели
грека

слепа
любовь клопа

дебила
полюбил

самочка
Санечка

сумочка
самочки

окунь
а кит сука

осень
а лист падла

надо жить
не помрем

западло
подыхать

пригов пригову
друг

ру бин штейн
не слы хал

Михаил ВЯТКИН
Mikhail Vyatkin
(Москва)

Дом***а*** Сто***я***т Без Гол***о***в
Н***о***чью Закруж***и***ло Куд***а***-то   Да-т***о***-ту-д***а***…
Зв***ё***зд-Простр***а***нства-Вор***о***нки   Унесл***и***   Прита***и***ли
Исч***е***зли

Ид***ё***м Иск***а***ть Г***о***ловы
МЫ-ОНИ   Ид***ё***м Иск***а***ть Г***о***ловы

К***а***к Теп***е***рь Кара***у***лить С***а***м-Г***о***род?   Кара***у***лить Н***о***чь-Темнот***у***?
Ид***ё***м Иск***а***ть Г***о***ловы

По Простр***а***нству Переступ***а***ем   По Пуст***о***му
Д***о***ма   Ст***о***ят   П***о***сле К***а***зни
Тяж***ё***лы Н***о***ги   Тяж***ё***лы М***ы***сли   Тяж***ё***лы Слов***а***
Вс***ё*** Вн***и***з Т***я***нут   Вн***и***з:

*совлад**е**ем-л**и**?   л**и**-с-тягот**е**нием?*

В***о***лаг Не Теч***ё***т
З***е***бН***а***д Не Од***и***нничает

Т***о*** Из Глубин***ы***   Т***о*** Над ***О***блаком-Т***у***чью
То Тум***а***н Без Дн***а***   Т***о*** Оп***я***ть И Оп***я***ть

Т***ё***мен Г***о***род Н***а***ш
Этот Д***е***нь У Н***а***с – Н***о***чь
МЫ-ОНИ   Ид***ё***м Иск***а***ть Г***о***ловы

Глаз***а*** С Вышин***ы*** Миг***а***ют
Н***е*** К Себ***е*** Н***е***т Зов***у***т
От-Т***о*** Пр***о***чь Г***о***нят

Сто***я***т П***о***сле К***а***зни
Зв***ё***зд-Простр***а***нства-Вор***о***нки   Унесл***и***   Прита***и***ли
Исч***е***зли

Всё Загл***у***бже ***И***х Т***у***лов***а***лища

Па

*св**е**тят-б**ы**вшими-огн**я**ми*
*дом**а**-наши-засып**а**я*
*мол**и**ться-**и**м-б**у**дем*

Мя

*г**о**ловы-н**а**   в-др**у**гом-м**и**ре-жив**у**т*

*эта-дв**е**рь…*

Ть

МЫ-ОНИ   попрощаемся

*

Если Бы ***Я*** Сег***о***дня ***У***тром По***е***хал На Авт***о***бусе
На Ст***о*** Дес***я***том Авт***о***бусе
Мн***е*** Бы ***О***чень Захот***е***лось Покат***а***ться

Я Бы С***е***л На М***е***сто У Ок***о***шка
Зата***и***л Бы Дых***а***ние
Потом***у*** Что И Ст***а***рые И Пож***и***лые Л***и***пы
Испуг***а***вшись Рев***у***щего Мот***о***ра Вдр***у***г Побеж***а***ли Со Вс***е***х Н***о***г

Если Бы ***Я*** Н***е*** По***е***хал На Авт***о***бусе
Я Бы Тих***о***нько Сто***я***л На Останов***о***вке И Жд***а***л –
Ну Когд***а*** Же Дер***е***вья Начн***у***т Б***е***гать

Я Бы Тогд***а*** Поч***у***вствовал Глаз***а*** Кот***о***рые На Мен***я*** См***о***трят
Я Бы Поч***у***вствовал Как ***Э***ти Глаз***а*** Стан***о***вятся Н***е***бом

К***а***к Св***е***рху Спуск***а***ется Зн***а***к Н***Е*** ШУМ***Е***ТЬ
К***а***к Гл***о***хнут Мот***о***ры
К***а***к Л***ю***ди Сн***о***ва Хот***я***т Преврат***и***ться В Зар***о***дышей

ТВ***А***РЬ

*внутр**и** мен**я** прожив**а**ет Тв**а**рь*
*но **э**то – Б**о**жья Тв**а**рь*

М***ы*** С Н***е***й Сс***о***римся
Мы Гон***я***емся Др***у***г За Др***у***гом
М***ы*** Пр***ы***гаем Через Язык***и*** Пл***а***мени

Но ***Э***тим ***У***тром
К***а***к Зов***у***т Теб***я*** Тв***а***рь***?***
Т***ы*** Кот***о***рая Живёшь У Мен***я*** Внутр***и?***

Разноцв***е***тные П***я***тна Рассв***е***та
Онем***е***вшая Горт***а***нная М***у***зыка
Просып***а***ющийся Сн***а***

Ч***ё***рная П***о***тная М***а***йка
Разбр***о***санная Тв***а***рью Кров***а***ть
Онем***е***вшая Горт***а***нная М***у***зыка

Убег***а***ющие Глаз***а*** Лиц***а***
Разноцв***е***тные П***я***тна Рассв***е***та
Через Язык***и*** Пл***а***мени

*послуш**а**й Тв**а**рь **я** не мог**у** д**а**же теб**я** уд**а**рить*

Умол***я***ю
Л***у***чше ***Э***то ***Я*** Б***у***ду Ж***и***ть У Теб***я*** Внутр***и***

*

Цар***е***вича Дм***и***трия Никт***о*** Не Убив***а***л
Никт***о*** Не Убив***а***л…
Внач***а***ле Никт***о*** Н***е*** Убив***а***л…

Дмитрий – он совсем младой отрок!

А М***о***жет Б***ы***ть У В***а***с Есть Т***а***йное Жел***а***ние –
Хот***и***те Ст***а***ть Цар***е***вичем?..

а его долгое время никто не убивал

Вначале – Долгое Время – Вначале – Никто

Но Если Тебя Уже Не Совсем Ты
И Если Никто Имя

Короноваться! И По Праву Же – Свой Престол!

кто? – но ведь давно похоронили
и причислили... кто? –
уж не записаться ли в протестанты?

Неужели Вы Сами В Тайне Возжелали Стать Царевичем?
На Века Остаться Младым Отроком?

Ложь Была – Был – Страшно-Ложь – Есть – Он Настоящий

– Где Марина?!

идёт по пространству забыто-уходящими шагами
вдоль-над волгой из Ярославля мимо Углича

Кажется Русь Ещё Скована Холодом
И Небо – Кто Нарисовал На Его Груди Этот Кошмарный Сон? –
Небо Только Начинает Пробуждаться
И – Алый Крест –
Сегодня – Не Сегодняшний День –
Прошлое В Будущем

уходящими шагами

ВНУТРЕННИЙ МИР

Часть первая

как таракан проник в моё подсознание

Была Кухня Там Пропадал Всякий Аппетит
От Закопчённых Стен Тошнило Как От Речей На Партсъездах

*И*КЯСЬ-НЯНХУ Так Тошнило

Ещё Наглый Стол Без Крышки
Аппараты АГэВэ Для Газового Подогрева
Немыслимые Черные Трубы Горизонтально

*И*КЯСЬ-ЫЛГА Прямо Над Головой

Ещё Соседка-Стукачка Такая Милая
Греет На Конфорке Щипцы Для Завивки
И Дверца В Подпол Как Жопа С Ручкой

*И*КЯСЬ-КУТЦА Журнал «Коммунист»

– как таракан проник в моё подсознание? я не знаю
наверное через дырку зрачка

Часть вторая

как ворона проникла в моё подсознание

Для Смотрения Мне Подарили Подзорную Трубу
Семикратную Ученическую Смотреть Было Не На Что

БУРТЬЯ-АТЫЗ Ну Не На Что И Не На Что

Я Вышел На Крыльцо И Стал Сквозь Подарок Смотреть На Помойку
Помойка Была В Углу Двора У Ненужной Кирпичной Стены
В Подзорной Трубе На Помойке Я Увидел Чей-то Затылок –

Оторванная Голова Вид Сзади

БУРТЬЯ-АТЫЗ На Помойке Увидел

Одна Коса Растрёпана На Другой – Розовый Бант
На Помойку Припрыгала Ворона
Выплюнула Пионерский Значок С Володей Ульяновым
И Подцепила Клювом Розовый Бант

БУРТО-АТЫЗ ЕЛУ*И* Своровала У Оторванной Головы

В Подзорной Трубе Простоволосая Голова Покатилась Из Помойки
Это Была Голова Куклы

– как ворона проникла в моё подсознание? я не знаю
наверное через дырку зрачка

Часть третья

Эй Вы Убирайтесь Прочь
Подсознание – Не Место Для Тараканов И Ворон

ФОТО ДЕЛЬФИНА В АКВАМАРИНЕ

Живу В Своём Виртуальном Объёме
Плаваю И Ныряю Вместе С Ним
На Карточке
Я Рылом Подталкиваю Вверх
К Поверхности Воды
Свою Подружку Она Разучилась Плавать

девять старичков фарфоровые мудрецы из Китая
который из них Чжуан Цзы?

Спать В Своём Виртуальном Объёме
Гулять
Заниматься Любовью
И Не Мочь Разгадать
Что Же Ещё Досталось Мне В Подарок
От Этого Красивого Как Мысль Животного
Принца Водной Стихии?

– Как Я Вам На Фото? А На Обороте?
Где Предполагается Основной Контент
И Долгое Прости?

Нет Оборотная Сторона Не Предусматривается

быть частью самого мира?

И Зваться Дельфином
Правда Тогда
Я Согласился Взять У Него Только Имя –
С Плавниками И Хвостом
В Транспорте Будешь Ощущать Себя Неповоротливым

парадокс помните парадокс ненужной вещи?

мой объём такой открытый
он колышется чуть-чуть
я по электронной почте
отправляюсь в дальний путь

На Самом Деле Нет Никакой Глубины
И Цвета У Неё Тоже Нет
Просто Вглядываешься
И Остаётся Чувство Смутной Досады
Недосказанности

– Кл***и***кните М***ы***шкой! Письмец***о*** Уж***е*** Должн***о*** Придт***и***

*зам**е**на на возвр**а**тную перспект**и**ву вр**е**мени?*

А В***ы*** Ещё Спр***а***шивали – Пл***а***вают Ли Дельф***и***ны В Рек***е***?

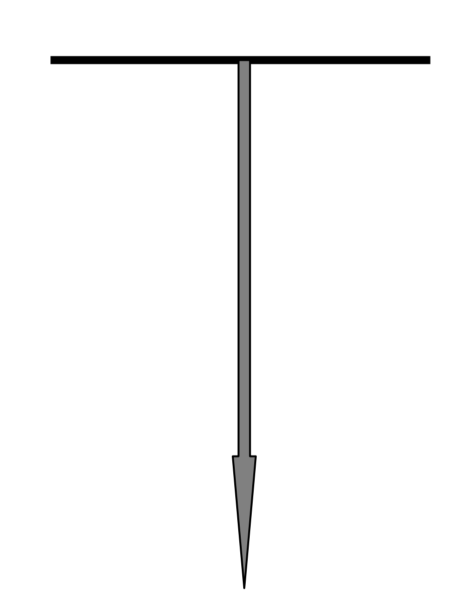
Зас***о***хшее Д***е***рево На Берег***у*** Ок***и***
Ег***о*** Р***у***ки-Н***о***ги Торч***а***т В Р***а***зные Ст***о***роны
К***а***к У Челов***е***ка

Когд***а***-то Давн***о*** Я Нарисов***а***л ***Э***ту Карт***и***ну
И Подар***и***л Моему Другу
Другу Детства – Ж***е***не Раппоп***о***рту
Он Тогд***а*** Б***ы***л Жив***о***й
Т***о***гда ***О***н Ещ***ё*** Не ***У***мер
От Непон***я***тного Серд***е***чного Пр***и***ступа

Но С ***Э***той Сторон***ы*** Ничего Не В***и***дно

у**тро п**о**п-**а**рт зн**ы
*н**е**бо аквамар**и**н*

Вот Т***а***к На Св***е***те И Появ***и***лся Интерн***е***т

Борис ГРИНБЕРГ
Boris Grinberg
(Новосибирск)

* * *

Утро вечера жальче, буян.
Дума разума размыта, с ума ниспадя.

А налево город, а над -
Жар-государь, рад:
У сограждан - ад.
Ороговела наяда,
Псинам усатым,
За раму,
За раму дня убечь...

Лажа.
Речево рту.

меня вымажут снаружи,
вижу лика лак и лужи,
вижу - ран стужа...

МЫ ВЯНЕМ

Рот. Шкалик.
Снежинок армии с семи небеси,
сор, пена дням еси.
Ни семян да не проси
себе, ни мессии...
Мрак.
Он и - женски - лак
штор.

"ПОВЫШЕНИЕ"

Тени баклаг упали на меня,
- "Но, рохля! Но!!" - пеняя. И на нет
Стенания...
                    Я не понял: хороня,
Не манил, а пугал кабинет!

О, РОК!

Си-
жу,
Ви-
жу
Морок. Сыро. Кущи, блики,
Лужи, веки в ежевике.
Вижу лики, лбищ укоры:
"Скоро, м**у**жи - в **у**жи скоро".

САПСАН

сапсан
на Спас
нас пас

ВЕДЬМА

Ил ада будила:
- Да будет сила!..

На листе дуба дали
Дуба дали...

ОБЕД ПРИДВОРНОГО ПОЭТА

... и хоромок стило
венчал пенно рот -
сила дырищи!
- "Пузо утри!" - виртуозу пищи
рыдали сторонне (плач - неволит!)
скоморохи...

ЛУКОМНИКОВ

Ты сметал запрет. Самонадеян? Да.
В данности и пене - пиит.
Сон на два дня - еда!
Но мастер пазла - тем сыт.

* * *

Воздуху!
Лона грот и
ланит сугробы
вяловато лобзал,
губы-дыбу,
глаз болота...
Воля - выбор?
Густ и н**а**лит
орган-олух...
Уд зов...

МОТЕЛИ - НА СУМУ

Зарыдал кумач,
омыли ханжу.
На тракте лет
карта нужна
хилым очам,
уклады разуму,
сани летом...

* * *

Тень летит. Смыться, а?
Вырван из ума, шутя стило гонял,
Описывал то да сё: туч ил - куда паду, клич утёса дотла, выси полян...

Оголится туша музина, врываясь: - "Ты мститель, нет?!"

Алексей РОМАНОВ
Alexey Romanov
(Н.Новгород)

ОТРАДА ДОКТОРА

Нотингемшир
Серьезная даль
Сервированная к ужину
Обедающего заграницей
Тут
Собачка на хвосте
Муссонит ветер
По двору
От ножки циркуля до бочки
Ночь фигурирует
Побалуя гурмана-эмигранта
От повторений
Настроений
Мальчишки
Разбредаются
На заработки точно
Разумные кокотки,
Склонившиеся над чулками
Стременами-колготками
на перевернутом подносе
светит
шапка, сорванная в полдень
гром женщин
Утра жжение в лице
Не раз собрать
и в сыре дорогом,
 мужском шарфе исподном
Взгляд переломится
На падающую и собственную
лень
Там вместо плошек с маслом
Петухи на шпилях
Пожарных ласк
Дежурных у парадного
Свист
Заносит ослика по ветру
Насколько можно разобрать,
Он усмехается.
Поэзии ждет или
ждет
поезда
Грошовые забавы у ручья
И мена стеклышек, а после
Икры почесываются.

Зевок романский безопасный
Зря, говорю, потратился на шляпу
Всегда аншлаг. бал прост.
Вниз бронзовеет время на запястьи

****9797

Освистанные маленькие весны
Как яблоки на хоботе дождя
Асфальт – малютке, синеватый, грозный,
Свистит сквозь пальцы под туфлей, маня
В полуденный раёк с причудливым фонтаном
Без края и конца овалами сипит
И плещет на весу кораллом
Не потеряешь ключ, клубок далек лежит
И светится звездой, выкрашивая ленты
В окутавших зерно и плевел волосах
Играющий ребром кокетничает с кем-то
Веснушчатый и редкозубый страх
Наполнит котелок и ягодой и снегом
Из треугольного чужого узелка
Звенящий бородач, надкусанный и целый
Как розовый привет дырявого носка.

ПО ЭТУ СТОРОНУ

Врезка электричества
Выносит
марионетку
позирующего
 за скобки
фешенебельного района
глаза раз от раза прикидывают
кивок за кивком – загребают резь
Сплошная геометрия океана
Старая копировка
Вода из непреодолимого артикля
Крана
В прожилках покровов
Тихим фраером – медь
Дух тянется на носочках
Поправить которое коротит
Так коты золотишко постреливают усами
Чтобы мышь знала место
Мышь тянется продырить
Роговые обои с цветами
Губами
Шорох нащупает пьяное
русло
Пищевод вещи
наглый
Непонятливый гость
Тротуаров, звонков, дармового искусства
Вестибюлей с фонтанами веток врозь
Курам негде прилечь
Что не сон - встрепенутся
Звезды ложек в вареньи
Со стрелками в розь
Соберутся в подвалах коты, соберутся
Словно змеи в кувшинах
Подслушивать кровь

ПРИЧЕСКА ИУДЫ

Продолжается знак вопроса
Круг псины тощей
Провинциальное средневековье
Французское
Заселено цыганами
I don’t stand a gost of a chance with you
Дубовая колода монка –
 разгон
Сливается в одиночную духовую
Ночь

непризрачная
Настук завершает
Прогрессию розлитых
И освещает
Призрак
Оставленной за дверью
Минус секции ритма
Брат он
У правого столпа литеры
Движение увито отсутствием занавеси
По периметру замысла в черноте
Под ребром партера.
Развлеченные крейсером
Башни с антеннами,
Гуляющими из бойниц
На безукоризненных волнах
Электропоезда
Окончания –
Не порок, а слегка комкаешь
Личный билет
В зал ожидания
Крекер монет
Что-то вроде попкорна
Для эпизодической роли,
По выходе из дворцового амфитеатра
Наступающий на спину
 вдох
про себя глаголит

ЦВЕТА' БОЛЬШОЙ ГОЛОВЫ

Выпрыгнувший из
Граната мостовой
Желтый булыжник
Вещает о межсезонье

О форточке, открытой
В прошлое время года
От сквозняка отдает жизнью,
Как от человека
На ярмарке в парке,
Торгующего мельницами
Для детей
Вера ремесленников
Сладко пахнет
Паленой кожей и пор-
Ченным зрением
«Природа сбивает с толку»
старух разных рангов
воспитания и доблести
небожители милы, как девочки
Цветы сковывают
Желания и
Собаки проходят маршем
Шизея от собственной святости
В поисках лодыжек глупого
Гравера и любовника волглых масок
Суконное торжество
На ласку – неродное колено.
На погосте нехватка неоновых слонов
Для сварки бокового ощущения
Гроздья фасадов с утра
Как население в ожидании
Окончания фрески
Все-словно книги, сложенные в углу
Любуясь балконом, как брошенной тебе наудачу
костью
Перелистываешь, не разрезая
Пересвистываешь лису трамвая

***34967234906022

В холод ветер ложится под колесо
Смирно режет бабина вальсок
Репортеры хватают цыган за полу.
Точат нож о его тетиву
Очень темное дело судачить о снах
баранки глаз в дырявых лодках век
Как птицы ищут тайный лаз,
Глотая сухаристый хлеб
Согретый новым полотном
Лежал недолго на столе
Ушел в снега и захрустел
А на земле а на земле
Все внутрь. Даже колесо беспомощное
Лезет под
Как нехороший мальчуган
С щекой, похожей на сугроб
И кончики его волос запаздывают из ветвей
Вчерашних
Лижут мед
С усов чубатых звонарей
Колени-сказка. Отверни лицо
Запомни мебель и углы
Чтобы потом, летящие в кольцо,
Не задремали с голодухи львы
Травы никнут, надломленные теплом
Так на флоте куют вождей
В гору лошадь бежит селом
Задевая хвостом детей

ПЕРИФЕРИЯ

Сна тень декор
Кошка прячется под ковер
Распастерначить тесноту
С чем-то во рту
Страна мыслит обрывком инфинитива
Тоскующий кречет речи
Гоняет газету возле пожара обрыва
Как отрывок аперитива

Та
Счастливо катится
До восклицания
Вспоминания
Заклинания
Каракатица времени
Красной ижицы вымя отжала

Зиждится человек-вор
Вывел искомое
На двор
Темнота приструнит комнаты
Негодуя подрагивают холода
Шмыг-шмыг, камушком расплескивая пруда
Жизнь шумит
Трубочистом
Малолетним негрилой
в любую трубу
издыхая
Начерно выход
Проседают
реки сады города
велосипеды возятся у сараев

Татьяна ВИНОГРАДОВА
Tatiana Vinogradova
(Москва)

* * *

О.Климовой

Ты помнишь ?
слышишь
Голодные ангелы верещат,
когда мы их кормим с руки.

Не говори никому.

Ты слышишь?
Чуть шелестит тёмный огонь
бледный
осенней весны.
В нём догорает
память/любовь/всё остальное.
Фарфоровые ангельские лики
расколоты на куски,
но щебет и чириканье слышны ещё долго,
долго.

Ты помнишь?
Тихий туман, недвижная дымка,
и облако зависло, такое всё…
как бы из камня ясписа кристалловидного
и розовой органзы,
и Кто-то выходит из.

Если заглянешь в зеркало…
(Не смотри! Не гляди! Не надо!
Там – белый циферблат расколот,
там – струи древа дождевого
ветви
распластаны по тусклому стеклу…)
– Так вот: если заглянешь т у д а, поймешь:
этот сон никогда не будет окончен,
и никогда змея зари не заползёт
на небо.

Нет ничего. Забудь.
Лишь чёрный шелест огня
да клёкот
голодных ангелов.

Бог любит тебя.
Прямо здесь и сейчас.
Не раздеваясь.

Не говори никому.

8 мая 2008

ЗОЛОТАЯ ДЕВОЧКА И ЛУНА
картинка с натуры

Пошлость сверкнёт крупно.
Н.В.Гоголь

Gogol Bordello в Москве!
Афиша концерта

Золотая девочка в полуночном автобусе.
Совсем золотая: золотая курточка-тренч,
золотые сапожки, золотая мини-юбочка (со стразами),
золотая сумочка-клатч в чешуе паеток
и – венец всему – золотая ленточка,
обвитая вкруг чела
маленькой милой головки
(Натали Гончарова нервно курит в углу).

Золотая девочка сверкает,
озаряя собой пустой автобус,
поигрывает мобильником (разумеется,
со стразами от Swarovski).
Золотая девочка недовольно крутит
маленькой милой головкой,
рассеянно выдувая из очаровательного ротика
пузыри баббл-гама:
– Ну где же, где
толпы восторженных зрителей?!
(Подружка – серенькая мышка,
водитель автобуса, да я –
сорокалетняя бабуся в дряхлых джинсах –
не в счёт).

Сваровский мобильник мечет окрест
искры и нежнейшие трели.
Золотые лучики скачут
по полутёмному салону.

Она заворожила меня,
эта золотая девочка,
эта капризная фея гламура.
О, эти розовые пузыри баббл-гама
меж надутых розовых губок!
Аллилуйя, Лолита,
я твоя Гумберт Гумберт!

Но чу! Что это?
Это – белая луна.
Она сквозит/скользит косыми парусами
вдоль проспекта,
она захватывает наш автобус в плен.
И меркнет злато в ртутном злом сиянье,
мобильник, пискнув, замолкает,
и хлещут ветки чёрные по стёклам;
луна летит, летит к нам прямо в окна!..

Моя фея растерянно озирается.
Баббл-гам на её губах сплющился,
как использованный презерватив.
Автобус несётся на всех парусах
в темноту.

Луна
торжествует.

март, июнь 2008

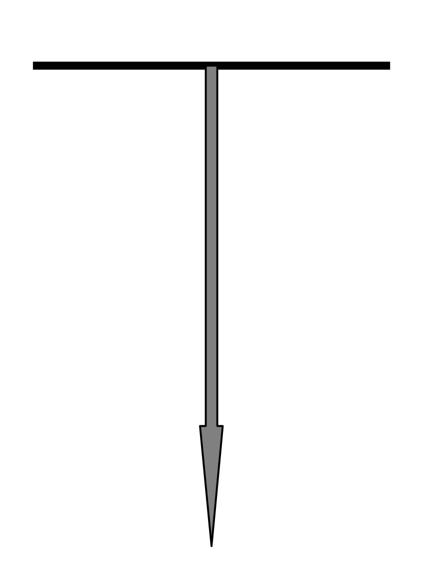
Ростислав АМЕЛИН
Rostislav Amelin
(Москва)

Я
Утро
Следующий день
Порт
Хвои
Театры
Четырехэтажная халтура
Из улицы в улицу
За женщиной
По мостовой
Эй!
Здравствуйте
Лиличка!
Послушайте
Несколько слов о моей маме
Несколько слов обо мне самом
Кое-что по поводу дирижера
Кое-что про Петербург
Нате
Вам!
Любовь
Мечта поэта
Сволочи
Ничего не понимают
Мрак
Ко всему
Неразбериха
Адище города
фабрика мертвых душ
А все-таки
Радоваться рано
Революция
Никчемное самоутешение
России
"За что боролись?"
Еду
В авто
Газетный день
Война объявлена
Вывескам
Мама и убитый немцами вечер
Мое к этому отношение
Надоело
Гимн судье
Гимн взятке
Гимн ученому
Гимн критику
Гимн обеду
Гимн здоровью
Вот так я сделался собакой
А вы могли бы?
Братья писатели
Последняя петербургская сказка
Интернациональная басня
Дешевая распродажа

Чудеса!
Говорят
Теоретики
Почему?
"Массам непонятно"
Они и мы
Беспризорщина
В мировом масштабе
Итог
Искусственные люди
Нетрудно ландышами дыша
Ешь ананасы
Свидетельствую
Мелкая философия на глубоких местах
Строго воспрещается
Было - есть
Две культуры
Кино и вино
На что жалуетесь?
Мы отдыхаем

Ночь
Исчерпывающая картина весны
Себе, любимому, посвящает эти строки автор
С товарищеским приветом, Маяковский

Алексей ЛОСКУТОВ
Alexey Loskutov
(СПб)

НАЧАЛИ ВХОДИТЬ СТИХИ

Картонные глаза устали вольнодумить,
Расписанные дни плывут пустой строкой,
Зеленые огни все так же полоумят,
А я один совсем тоскующий изгой

Поближе к чуду нет свободных мест,
Его попоны сумрачно лежат.
Как стрел не миновать горящих лес,
Мир сух, обессердечен и отжат

В подвале теплятся еще
Заботы и ненастья.
Все люди в чьей-то власти
Все люди в общей пасти

А у города глаза мокрые мертвые,
Расстилается дань ненасытной мгле ,
Кроме того, дворы все кругом скотные -
Нехорошая услада подрастающей детворе

На небе ястребы окаянно вышиты,
По морю песни дельфины несут,
А на повестке дня дышут и пышут:
Даешь страх, ложь и бессмысленный труд

В массы, в массы,
В человековынужденные каркасы

Я помню темное пространство комнаты,
Там зеркало расстреливало сон,
Бродили недотучи полутемные,
Бродили в унисон,
Бродили рысью антидепрессанты,
Змеились недобитые таланты
И проорало где-то: "Хулиган ты!"
Дрянное Сумасшедшее Никто

И были девы разом сами с квасом
По себе,
И юноши в промокнувшей мольбе
Варили завтрак чай себе на завтрак,
Все сами по себе

А

Я
Вернулся из болота местного разлива,
Умаял с детства в полночь сапоги.
"Живи, никем
Еще не пойманное рыло!"
И начали тогда
Входить ко мне стихи...

ТУХЛЫЙ ВЕЧЕР

Быкорожев снова пьян пришел домой.
Тень заката его за руку вела.
Нынче март попер совсем-совсем гнилой -
Ни прихода, ни оргазма, ни тепла.
Старый госпиталь зарос рассадой дыр,
В каждой зыблется пожухлая вода.
Витражи полуразрушенных квартир
Пациентам ненадежная тюрьма.
Сапоги в дерьме, но это полбеды,
Остальная половина - это то,
Что ты ходишь каждый день туды-сюды,
Умудряясь находить везде дерьмо.

На ограде две недели как повис
Этот жуткий, всех с ума сводящий стон,
А потом он перебрался на карниз
И к Быкорожеву забрался в патефон.
А еще его видали на столбе,
Полоскался он, обуглившийся флаг.
Этот вечер погружается в Нигде,
В этот вечер все Никак не станет Как.
В эту мессу солнце выйдет из луны,
В полночь станет бешено светло,
А луна, вопя, сорвется вниз,
Расколовшись, как немытое стекло...

...Быкорожев будет пить судьбе назло
Быкорожев будет пить судьбе назло
Быкорожев будет пить судьбе назло

ОКОЛЕСИЦА

Генерал заходится в истерике,
И из окон падают цветы,
Пьяные солдаты в скверике
Ноты разобрав, поют псалмы.

Он напишет дедушке усатому,
Что совсем заглох его наган.
В лагерях вожатые
Собирают план.

Весь обмазанный известками,
Я укрылся в камышах:
"Звезды, звездушки, незвезды,
Или поздно, да не поздно,
Не тревожно, не морозно..."
Третий день я на рогах.

Пела песни полынья:
"розовое время
председатель наш Илья
коноплей засеян
зелен вдоль и поперек
и шаром лохматым
бродит под ногами волк
добрый, бородатый
дверь летит, скрипя нытьем
ржавою отрыжкой
что мне в мире
что мне в нем
записною книжкой
разрывает пополам
сонная судьбина
зажигает по углам
язвы и нарывы..."

В озере проснулся кот

Шумный и трусливый,
Отряхнулся, раскрыл рот,
Как хватило сил,
И, в меня вонзив клыки,
Воет свою вахту.
Мутным цветом маяки
Смешивают завтра.

Степью кашляет рассвет,
Ковыли на лапах
Всходит солнышко в обед,
Потное от страха.

В цилиндре черном поиграв,
На складчатую скатерть
Все сёла и все города
Швырнул одним замахом
ОН.

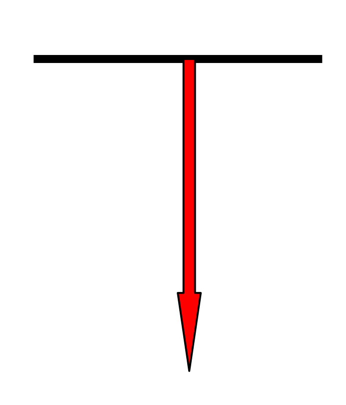
Я поглядел на это все
И улыбнулся глазом,
Потом прочел обратный счет,
Поджег хвосты и языки и постирал носки,
На Невский вышел в камышах,
В Неве топил рукой мышат,
Ловил котят и медвежат,
Искал волшебный ящик,
А в нем обрез на счастье.

Не нашел…

Все день за днем иду пешком,
иду пешком
обьят огнем

ЛИБРЕТТО ДЛЯ КРИКА И КОСТЯНОГО СКРИПА

Кофе липнет к зубам,
Птицы бесятся в лужах,
Легкий бриз нагибает к земле фонари,
Нос поломан, щетиною
Взгляд отутюжен,
Пьяный солнечный заяц подпрыгнул,
Смотри!
Эта женщина
С доброй улыбкой акулы
Копит мусор в мозгах,
Топит снег на блины,
Ее мужа кургузая старость согнула,
А их дети разбойники и колдуны.
После ссор
От смешения накипей сердца,
После старых-престарых
Заученных фраз,
Он ушел на чердак и повесил на дверцу
Свою боль,
Будто старый заржавленный фрак.
Острова разбегаются
В черном заливе,
За трубой притаился
Беззубый альтист,
Он продраит нам глотки
Слезами и пылью,
Будет крыша дрожать,
Слюни лить на карниз.
Рот закрыл часовой,
У него там граната,
Скачут возле него трюкачи-болтуны,
Запах ветра резвится
В больничных палатах,
Запах ветра
Сырой и безумной весны.

Евгений В. ХАРИТОНОВЪ
Evgenij V. Kharitonov
(Москва)

ПЕРВОЕ ТАСМАНИЙСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

вода отражает глаза
вода ласкает глаза
вода забирает глаза
вода делает тебя
морем

вода стекает в оду
в оде спит вода
вода перетекает в камень
вода засыпает и
просыпается Жуковским

ода засыпает уши
уши засыпает щебень
оглушенных гласных
гласных без гласа немых
ода засыпает и
просыпается
водой

вода говорит не бывает много
ода говорит не бывает много
Державин говорит не бывает и
выпивает воду и
выливает воду в оду
оду в воду выливает
до самого песка
и камень съедает воду

после
камень падает вверх
и под
него втекает вода
которой не
бывает много
Державин с Жуковским вы-
пивают
тасманийский закат

каменное небо непрочно

март-апрель 2009

ВТОРОЕ ТАСМАНИЙСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Небо в оды –
Небо воды.
Небо. СВ. Оды.
Небосводы.
Впрочем,
Небо с воды
Не видно.

Март-апрель 2009

ЖЕЛТАЯ ПРЕССА

клозет
газет

июнь 2008

ЗВУКОВОЕ

Заклинай заклинай мальчик-велосипед
Выдерни волос из носа плакальщиц
Заклинай закипай мальчик-велосипед
Заклинай закидай их горохом вот так:

СКТ
ТКСС
СКТ
ТКСС
СКТ
ТКСС

И громко колесом упади пропади на космос
Как можно громче смешнее как можно
упади накати на лысый, модерном
выкошенный космос

ЗАА-ЯА-РО-ГО-ЗА!
ЗАА-ЯА-РО-ГО-ЗА!
РО-ГО-ЗА
РО-ГО-РГО
РО-ГО-ЗА-ЙА-РО-ГО-ЗА!
СКТ
ТКСС
СКТ
ТКСС

Только так они будут слышать тебя
Но все равно посчитают тебя
То ли СКТ
А то и вовсе ТКСС

2009

* * *

лесть
есть
____

месть
ест

январь 2008

* * *

Робы.
Рабы
Рябы.
Рыбы как
Немы.

Не мы.

Июнь 2008

УЛИЧНОЕ-2

улица
улица
лица
лица
у лица
у лица
у! лица!
лица
лица

улица

январь 2008

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДРЕССУРА, или ЛЕСТНИЦА В НЕБО ДЖИМИ ПЕЙДЖА

Page! Up!
Page! Down!
Page! Up!
Page! Down!
Page! Up!
Page! Down!

Июнь 2008

ШАРОДИНА

Что такое
Шародина?

Шар Одина?
Или –
Ша! Родина!
?
шародина
шародина
шародина
шародинашародинашародина
шар – родина наша
Шародина!

Что такое шародина?

Слово такое

2009 февраль

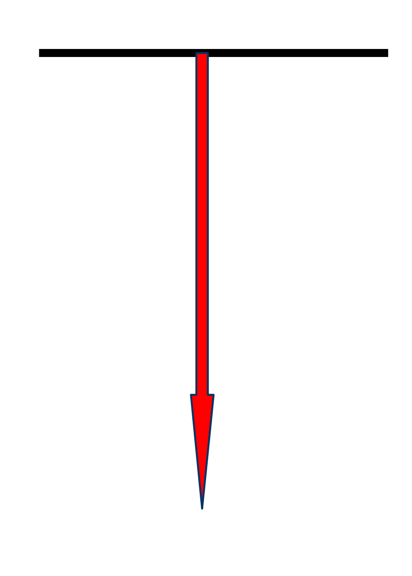
* * *

macho –
march
macho –
match
macho –
матч

too much?

немощь

январь – апрель 2008

Наталья РУБАНОВА
Natalia Rubanova
(Москва)

СТРЕЛЯЙ!

*по сердцу Гретхен и К**

Там сталкер усталый
По Зоне всё бродит,
А снайпер: «Отстанем!» -
Кричит и уходит;
Глушителем снайпер
Забил сердцу ротик.
А сталкер седою
Трясет бородою…
…

Целься, сталкер, целься!
Целься точней!
Гляди, это она, «прекрасная Гретхен»!
За промах четвертуют, четвертуют *свои же* – я видел,
Видел подобные казни не раз: гнусное, надо сказать, зрелище.
Ljudi iskusstva – как ты понимаешь, речь о них –
В большинстве своем скучные мизантропы с раздутым эго,
склонные к домашней тирании и «мелкому» плагиату;
добавим в арию со списком зависть да грешок-с уныния,
и клиническая картина станет полностью прозрачна –
никакого, впрочем, секрета:
я знаю, что ты знаешь, что я знаю.

«Что сталось со мною? Я словно в чаду.
Минуты покоя себе не найду»[1].

Во время сканирования их агоний
(бронь на билеты; количество мест ограничено)
мне не хватало, пожалуй, лишь *т а п о ч е к* –
тех, дарёных, помнишь?..
Рижских.
С помпонами.
На тонкой кожаной подошве.
Невероятно мягких и теплых.
Знаешь, если б перед казнью меня спросили «о трех желаниях»,
я приказал бы достать эти цацки из-под земли…
(да ты, кажется, не в курсе,
«что есть цацки», мой сталкер!).
…
…первые два? спрашиваешь *о первых двух*?
Не боишься банальностей? А съемных квартир?
Что ж, можно устроить:
Я попрошу сигариллу, сталкер,
сигариллу и дынную водку – да, ту самую:
в прошлом веке я пил ее из нежного соска,
за которым пряталось сердце Гретхен –
пряталось от твоих пуль, сталкер.

«Чуть он отлучится, забьюсь, как в петле,
И я не жилица на этой земле».

---

[1] *Песня Гретхен.*

Последнее время меня занимает вопрос
скорости проникновения энергетической пули в небелковое тело
и радиус поражения последнего –
а именно, боль на уровне пятого грудного позвонка:
Plexus solaris[2] – одиночная замаскированная цель,
подлежащая уничтожению.
«Так совершается Великий Джихад Во Имя Чувства,
Которое Не Может Быть Названо», – грубо шутишь ты,
но это не смешно, сталкер, не смешно.

«В догадках угрюмых хожу, чуть жива,
Сумятица в думах, в огне голова».

Обслуге, врачам, киллерам и прочей сволочи
надобно хорошо платить, иначе они, сосланные на левый фланг,
зажиреют, потеряют квалификацию,
как теряют ее училки яняза в школках.
Гретхен тоже, тоже ходила в одну из таких –
ее не очень-то любили (ну, разве что некоторые):
она ведь никогда не ковыряла в носу прилюдно,
ни до, ни после осьмнадцати:
как и ты, сталкер,
как и я,
как и этот бесполый автор,
что стучит в тридцатиградусную по черным от горя клавишам –
поэтому-то нас нет в списках:
зато *у нас* есть р а с с т р е л ь н ы й.

«Что сталось со мною? Я словно в чаду.
Минуты покоя себе не найду».

Прицельные сетки позволяют с высокой точностью
навести оружие на неподвижную точку ветреной Анахаты:
«крест» подойдет – или, скажем, «пенёк»...
Тебе известен промежуток между боковыми линиями?
Ты можешь оценить угловые размеры объекта?..
Твое оружие *деликатно*, сталкер, – деликатно и требовательно:
оно требует уважения,
уважения к телу, к прекрасному телу
с оптическим восьмикратным прицелом:
прицельная дальность двести,
начальная скорость пули восемьсот тридцать эм-эс.

«Гляжу, цепенея, часами в окно.
Заботой моею все заслонено».

«Уж я винтовочку свою начищу-наманикюрю!
Ствол шестьсотдесятимиллиметровый наглажу,
Десять патронов шлёпну!..» – Гретхен поет.
Молодец, Гретхен! Ай да Гретхен, ай да сукина дочь!
...
Тсс...я бы, сталкер, знаешь что?
Я бы перевязал *этим свиньям* трубы, да, перевязал бы:
Обсуждать «кризис перепроизводства», право, дурной тон –
мясо ест/ь мясо non-stop, от случки к случке.
Однако лишь *женщина* способна повернуть Колесо Случая.
Я знал одну такую... знал близко.
Она страдала легкой формой гаджет-зависимости,
курила кальян и жила тем, что гадала на картах Таро.
Она не беспокоилась о мелочах –
и мелочи подстраивались под её личные обстоятельства,
она шла к Началу, позволяя Ему делать с собой всё, что угодно –

---

[2] *Солнечное сплетение (лат.)*

и потому не подчинялась и не подчиняла;
она не предполагала; ее не беспокоило, что о ней подумают
и, кроме того, была безупречна в словах и поступках,
ежесекундно «отстреливая» собственные мысли и реакции –
она целилась в черные дыры души своей,
она была, в общем, толковым снайпером...
Когда-нибудь, сталкер, я стану таким же,
вот только перечитаю Кастанеду – с третьего тома.

«И вижу я живо походку его,
И стан горделивый, и глаз колдовство».

Целься, мой сталкер.
Целься. Обезвредь серый булыжник,
маскирующийся сердцем – *моим* сердцем,
моим карманным сердцем
(каждую ночь я вынимаю его, дымящееся, из груди,
и опускаю в стакан с дистиллированной водой –
неплохое, знаешь ли, средство от бессонницы).
Но как дрожат твои руки... где же выучка?
Неужто ты сдался? Неужто и т ы с д а л с я?!
Некоторые *движения*, впрочем, не обсуждаются –
так, нет смысла затевать спор, скажем, о том,
что пропасть между полами обусловлена
всего лишь одной – одной! – хромосомой...
Да только, сталкер, ты забыл, что у меня нет,
нет копирайта на ошибку.

«И, слух мой чаруя, течет его речь,
И жар поцелуя грозит меня сжечь».

Я выброшу, сталкер, выброшу свое сердце –
в сущности, оно действительно не является, так скажем,
предметом первой необходимости – да и, чего там, второй тоже...
искусственное, в любом случае, надежней:
дорого платишь – зато потом крепко, очень крепко спишь,
адынсавсэмадын, без каких бы то ни было женщин
(прожив полжизни, приходишь к банальному выводу,
что «всё зло» именно от них) –
я сжег лягушачью кожу и тут же увидел:
карета превратилась в тыкву,
а прекрасная принцесса – в рыжее butch'образное чудовище...
сорванная нагвалем маска исчезла.

«Что сталось со мною? Я словно в чаду.
Минуты покоя себе не найду».

...недавно Та, Чьё Имя Не Может Быть Названо,
привела меня в странное место.
Прикрывая за собой дверь, она кивнула на стены,
а потом указала на пол – я пригляделся... глаза разбежались.
Чего я только не увидел:
аркебузы и багинеты, пики и мушкеты, пищали и рапиры,
тесаки и фузеи, шашки и шпаги, мортиры и кулеврины –
были тут и алебарды, и протазаны с бердышами, и даги, и кистени с кинжалами,
и копья, и рогатины, и луки, и крисы, и мечи с ножами,
и сабли с ручницами, и секиры с лабросами, и топоры с томагавками, и эспадоны,
и дротики, и сюрикены, и стилеты, и ятаганы – и даже «моргенштерн»...
В другой зале находились авиабомбы
(калибр иных достигал двадцати тонн), БМП и водометы,
между которыми лежали разного рода «берданки» и карабины:
был тут и никоновский автомат – он-то меня, собственно, и интересовал.
«У АН-97, – прочитала мои мысли Та, Чье Имя Не Может Быть Названо,
и ее глаза, подобные застывшей слезе,

скатившейся с горного хрусталя, на миг ожили, –
переменный темп стрельбы; огонь же можно вести одиночными выстрелами:
очередь по три с высоким темпом – около тысячи в минуту –
повышает вероятность быстрого попадания…».
К АН-97 прилагался штык-нож, установка оптического прицела,
а также подствольный гранатомет:
«Это то, что нужно», – чуть было не сказал я, хватаясь за сердце,
однако Та, Чьё Имя Не Может Быть Названо,
уже открывала дверь в последнюю залу –
там-то я и увидел самую обыкновенную сапёрную лопатку, и замер:
остро заточенная, с петлёй на рукояти,
она была одновременно и топором, и кинжалом, и даже – даже! – мечом.
Что ж, осталась самая малость, подумал я…

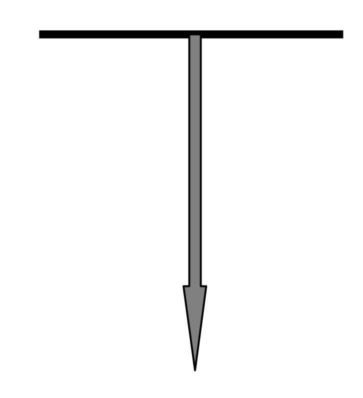
«Где духу набраться, чтоб страх победить,
Рвануться, прижаться, руками обвить?»

…и закричал что есть силы:
СТРЕЛЯЙ! СТРЕЛЯЙ, СТАЛКЕР, ЧЕГО ТЫ ЖДЕШЬ?
Я могу «онемечить» тело, но никогда не доберусь до того, что б о л и т!
Мне никогда – слышишь? н и к о г д а! – не достичь Анахаты!
СТРЕЛЯЙ, ЧЕГО ТЫ ЖДЕШЬ?

…и Гретхен в моем животе захныкала,
и Та, Чьё Имя не Может Быть названо, опустила глаза,
и даже женщина-снайпер отвернулась:
бриг? галера? корвет? –
думала каждая, мечтая скрыться,
а я все стоял и кричал: СТРЕЛЯЙ! СТРЕЛЯЙ!
«Я б все позабыла с ним наедине,
Хотя б это было,
Хотя б это было,
Хотя б это было погибелью мне,
Хотя б это было погибелью мне».

…но вам, конечно,
нет до этого
никакого дела, так ведь?

21 08 08

Евгений СТЕПАНОВ
Evgenij Stepanov
(Москва)

ФОРМУЛА БЕССМЕРТИЯ

* * *

авиалинии
                    стиха
                              авалиани

ст. Удельная
23.02.2009

* * *

палач не плачь меня губя я не корю палач тебя

3.02.2009
Большая Никитская

ПОЖАР

Коми
В коме

5.02.2009
ст. Удельная

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА

а радости
не много
а гадости
так много
а сладости
так мало
а гадости
не мало

11.01.2009
Большой Знаменский переулок

* * *

запад запад западня

* * *

ра
            ры
ре
            рэ

ru.
            rue

ря
            ро

1.11.2008
Ст. Удельная

* * *

нервы
стервы
стервы
нервы

4.11.2008
Ст. Удельная

* * *

митчел стоит на луне
девушка идет в магазин на станции удельной
прямые пересеклись
формула бессмертия
похожа на формулу любви

4.11.2008
Ст. Удельная

Сергей АРЕФЬЕВ
Sergej Arefiev
(Н. Новгород)

«БО´КО/е – и´чное»

Ч у в с т в у ю
З д е с ь н е б у д е т *в е щ и*[3]
К а п ю ш о н о м *к р о й* п л е ч и
Я - о т к р ы в а ю[4]
в а з о ч к а
- с л о в н е м е ц к и х -
м е н я е т д е л о
качества
г л а з а - и ⁄ ⧵ кожи

вот – дети. эти -
- с увлечением
п е р е н и м а ю т -
черты Acrobat-а[5] и Солнца
у её ЧерепПахи
и его ЧерепПахи

С т р о и т е л и р о ю т т е а т р ы
В к о т о р ы х *у ж е* и г р а ю т
соффиты, Соф´и и Гарсиа Маркес
- в с е с о с у щ и е и н ф у з о р и и
/Козыри – трефы/
Говоришь:
ч е л о в е к – б е с ц е н е н
ч е л о в е к – б е с ц е л и
ч е л о в е к – б е с т с е л л е р[6]
Видишь,
минерал антимонит идёт на сплавы…
…там, по борта´м вишен
он, может, и ничего не знает,
но пишет (?)[7]…
а расширяясь, точно воспроизводит матрицу
это ему и к лицу
потому и используется в типографии[8]

У тебя капает по кафелю
З а т я н и в ы ш е

---

[3] *Только слова*
[4] *за´лы*
[5] *Связь с программой Adobe Acrobat опосредованная, такой ход придаёт метафизичности, взгляд на слово с т.з. разных предметов/явлений, слово, слава богу, тут первичнее. Проще – полисемия. Но проще – не надо.*
[6] *Поговорку наговаривали вместе с Романовым, когда шли по лестничному спуску на Рождественскую.*
[7] *Навеяно строчкой из цикла «Запрещая сахар: Гоголь» - 3-й текст из цикла - (Суслова Е.В.): «чорт доводит свою неприличную простоту до состояния сложности и свободы»*
[8] *Сурьма (статья из СЭС, как и «сосущие инфузории»), применяется и в пиротехнике, и в типографии. Названия статей становятся героями текста. При том, 1 название может быть несколькими персонажами.*

Не теряй чувства уместности
чувствуй его всей кожей, чувствуй глазами
чувствуй немецкой вазой,
чувствуй их всех сразу
чувствуй *её*
у неё глаза кожа
- а ты?
- и ты у неё тоже

©аУ, 2007

доброта – не та
и не то – не то
маета-метель

ни кола ни двора
хворо-с-
тень

Миколка
встал с полки
стал бриться осколком

с минуту
умытый
вы-Ы-ы-л волком

и волоком
по полу
гнулся-и-гнулся:

«Ау!-
к-
цЫон. Он – это он!

центонная поэзия – моветон!»
в тот вечер я был на понтонном мосту
и был за версту от Миколы

за день до селения
мне на-хрен-на такого вот рода приколы

серый-зелёный-серый

Серый
как панели балконного дома
к вечеру
как болтом в перепонную барабанку
речь
Не крещенский!
Не крещенский!
Не крещенский!
не светлый день
а ~~летним~~ вечером
не перелётным
перелётным переплетным
поперечным
мрачным проводом
а птичьим балконным помётом
на лавочке
у дома
серый-зелёный-серого
серый-зелёный-серого

треугольник

любят летучие мыши
летучие птицы
у них человечьи осколки

в лице
треугольны и ядовиты
получается буквами “V”
- Vita.
Аскорбинками светят глаза в темноте
поразительно видно

Татьяна БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ
Tatiana Bounch-Osmolovskaya
(Сидней – Москва)

О ТЩЕТЕ ВСЕГО СУЩЕГО
(Эмо-песня)

Весь, ты знаешь, весь белый свет,
Свет, излученье далеких звезд,
Звезд, поющих мильярды лет,
Лет, не подаренных бренным нам,
Нам, с рожденья желающим лгать,
Лгать сквозь слезы и лгать сквозь смех,
Смех разъедает предчувствие бездн,
Бездн, что справа, что слева тех,
Тех, на тропе отпечатавших след,
След пугает нежную тварь,
Тварь, меняющую песнь на кровь,
Кровь, истаявшую во сне,
Сне, скользящем в изнанке туч,
Туч, скрывавших в подушках гром,
Гром срывает с деревьев птиц,
Птиц, которые чуют смерть,
Смерть, уже занесшую серп,
Серп, чья верная стынет сталь,
Сталь, голодная в эту ночь,
Ночь растворяется в зеркале луж,
Луж, уже предвкушающих шаг,
Шаг не в ногу, не в бровь, не в глаз,
Глаз, округлый как цифра ноль,
Ноль приближается к знаку del
Del дрожит, но не бросит пост,
Пост, снаряженный кнопкой пуск,
Пуск и отпуск, и шорох лыж,
Лыж, нарезающих рыхлый снег,
Снег, со всхлипом тающий в лед,
Лед неплох и по-своему плох,
Плох, когда приближается зверь,
Зверь, разинувший черную пасть,
Пасть нагоняет на странника страх,
Страх играет на руку им,
Им, которым прозвище тьма,
Тьма, рождающая низкий стон,
Стон не стон, даже вой не вой,
Вой, от которого в чаще волк,
Волк скрывает под брюхо хвост,
Хвост дрожит, но бесстрастен рок,
Рок не предвзятый, кто друг, кто враг,
Враг мешает укрыться в тень,
Тень спасла бы и в этот раз,
Раз, два, восемь, и снова труп,
Труп стремится вперед, как встарь,
Встарь он строен, красив был и прям,
Прям, но очевидно, не прав,
Прав, конечно, а теперь эта песнь,
Песнь, бросающая в пот и хлад,
Хлад, и мерзкая эта вонь,
Вонь undead'а из стылого рта,
Рта, забывшего слово «дом»,
Дом, где прочная кладка стен,
Стен, не спасших его от зла,
Зла, заполнившего этот мир,
Мир уж новый встречает день,
День без радости, сер и тускл,
Тускл без света отныне **весь**.

Сергей СВИРИДОВ
Sergej Sviridov
(Рязань)

(косноязычие)

1.
уходит сквозь пальцы
и уже не кажется невозможной
оборачивается равнодушно глядя сквозь
её течение естественно
моё состояние нестабильно
мы составляем единство и борьбу
так меня учили
её учили ничему
чему научишь воду или воздух
даже песок трудно обучаем
но они ошибались
и долго пытались довольно успешно
но я всё ещё её препятствие
и она всё ещё может заблудиться

2.
март серьёзное испытание
надежд которым не суждено
мусора увидевшего свет
неповинного снега
понимают что обманули
но делают вид
и складываются виды
почти пазлы
почти как у больших
почти весело
но грязь ловит на лжи
неуютные отражения
вот бы бабочки цветочки
и как будто бы нестрашно

3.
когда вижу каждый день
не вижу совсем
когда не вижу совсем и вдруг вижу
ужасаюсь слепоте и
и снова вижу не то
не ту не так
а вижу день
пусть каждый
и каждый пуст
и каждый содержит итог
и тот не содержит эту
ту которую не вижу совсем

4.
вечер это страшно

одно и тоже изо дня в день

попытка изменить иллюзорна

победа гибельна

утро почти всегда надежда

вечер наверняка поражение

ночь за редким исключением смерть

а день занят

в нём нет места

и что-то вываливается и вываливается в вечер

и нечем дышать

и почти не остаётся надежды на утро

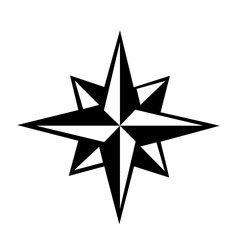
и когда-нибудь оно не наступит

а наступит никогда

и окажется синонимом вечера

и можно будет наконец посмеяться

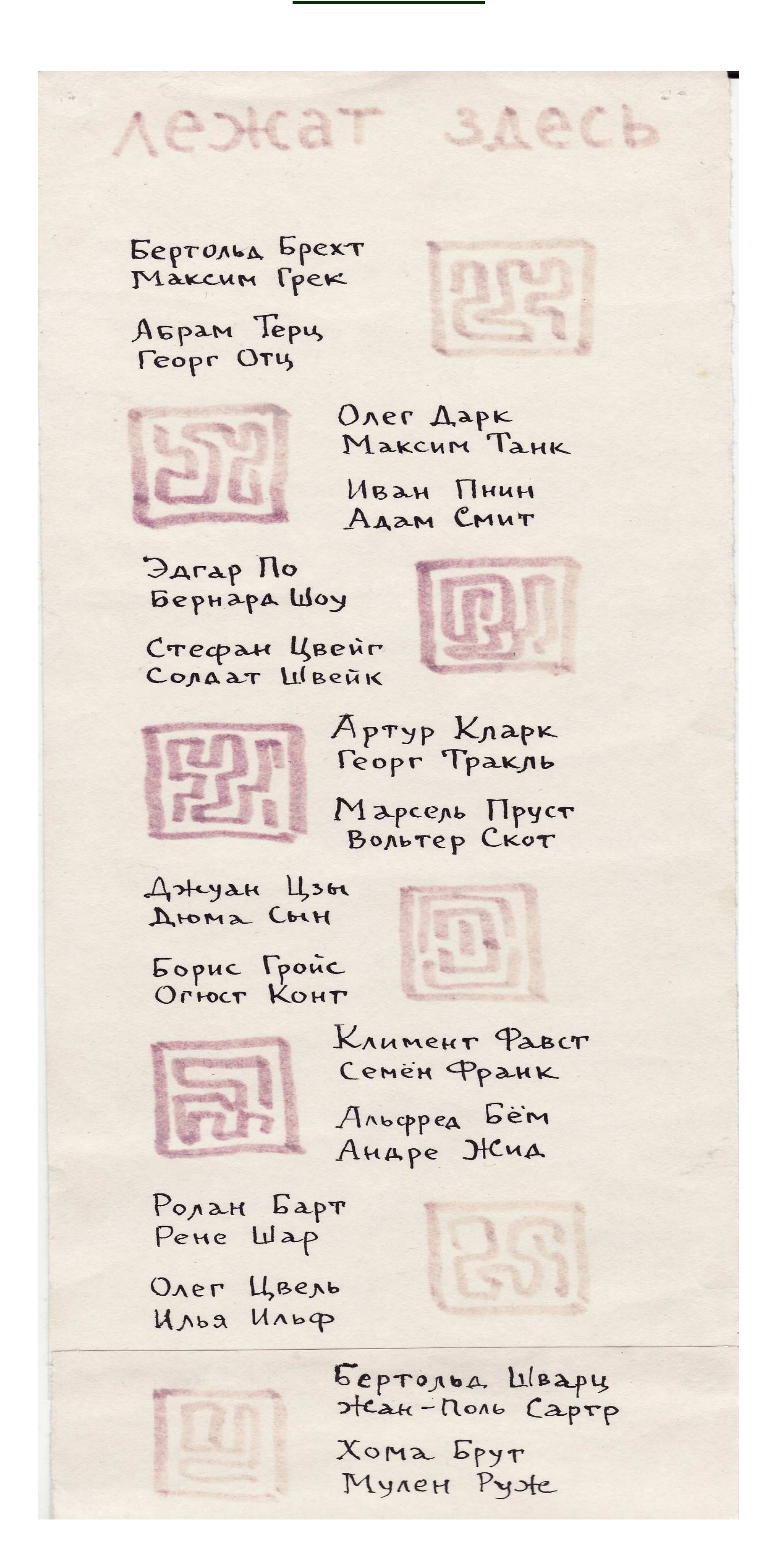
над своим страхом

VISUAL POETRY

Николай БАЙТОВ
Nikolay Baytov
(Москва)

СПИСКИ

КЛАССНЫЙ ЖУРНАЛ

Джордж Вашингтон
Дюк Эллингтон
Лев Рубинштейн

Мао Дзе Дун
Жан-Люк Годар
Жак-Ив Кусто

Дмитрий Дудко
Нестор Махно
Фёдор Гладков

Кир Булычёв
Лев Гумилёв
Ильф и Петров

Герман Титов
Герберт Уэллс
Ольга Берггольц

Сара Бернар
Жанна д'Арк
Света Литвак

Бенджамин Спок
Матиас Руст
Рокуэлл Кент

Нина Садур
Шарль Азнавур
Генрих Сапгир

Игорь Грабарь
Вильям Шекспир
Дмитрий Кузьмин

Дина Верни
Надя Леже
Игорь Кваша

Поль Мориа
Тур Хейердал
Курт Воннегут

Кот Бегемот
Понтий Пилат
Гитлер Капут

ВОТ ТУТ

Дин Рид
Брет - Гарт
Карл Маркс
Марк Крас
Макс Эрнст
Джеймс Джойс
Джон Донн
Джордж Буш
Жюль Верн
Грэм Грин
Нильс Бор
Жорж Санд
Макс Планк
Марк Блок
Ван Гог
Джон Хай
Макс Борн
Марк Твен
Глеб Цвель
Джейн Эйр
Джеймс Чейз
Джон Китс
Чарльз Пирс
Брюс Ли
Биг Бен
Шарль Сван
Савл Влоб

ДОСКА ПОЧЁТА

Чингиз Айтматов
Зуфар Гареев
Тимур Кибиров

Руслан Элинин
Расул Гамзатов
Бахыт Кенжеев

Сергей Гандлевский
Андрей Тарковский
Степняк
Кравчинский

Денис Фонфизин
Иван Хемницер
Богдан Хмельницкий

Илья Сельвинский
Сергеев-Ценский
Иосиф Бродский

Стефан Яворский
Катулл Веронский
Кронид Любарский

Борис Стругацкий
Мелик Агурский
Андрей Болконский

Владимир Ленский
Андрей Синявский
Корней Чуковский

Олег Чухонцев
Иван Тургенев
Эльдар Рязанов

Андрей Миронов
Андрей Платонов
Борис Можаев

Парфён Рогожин
Илья Пригожин
Наум Коржавин

Старик Державин
Давид Самойлов
Денис Давыдов

Сергей Довлатов
Семён Кирсанов
Иван Аксаков

Иван Никитин
Сергей Есенин
Иван Сусанин

Борис Останин
ВладимиряУфляндя
ВалерийяКрупникя
я
ИосифяУткиня
ВасилийяТёркиня
АркадийяРайкиня
я
ОлегяОхапкиня
ИваняАхметьевя
ОлегяГригорьевя
я
АртёмяВесёлыйя
ИваняБездомныйя
СемёняБудённыйя
я
ЛионяФейхтвангеря
АлисаяФрейндлихя
ЕленаяРерихя
я
ИндираяГандия
МаринаяВладия
ЕленаяВентцелья
я
МаринаяМнишекя
МахатмаяГандия
АгатаяКристия
я
ЭдитаяПьехая
УмбертояЭкоя
ДжорданояБруноя
я
ВалерийяБрюсовя
ВалерийяБрумелья
АркадийяБартовя
я
ВарламяШаламовя
ИваняПанаевя
ВалерийяЧкаловя
я
МаксимяАмелиня
ИльяяКукулиня
ЛинoряГораликя

Фаддей Булгарин
Сергей Курёхин
Борис Корнилов

Жорес Медведев
Барух Спиноза
Лука Мудищев

СПИСОК КАНДИДАТОВ

Александр Невский
Юрий Милославский
Юрий Долгорукий

Александр Первый
Александр Третий
Александр Пушкин

Алексей Апухтин
Александр Кушнер
Александр Дольский

Аполлон Родосский
Гераклит Эфесский
Диоген Лаэртский

Хорхе Луис Борхес
Фёдор Карамазов
Фридрих Барбаросса

Тициан Табидзе
Нестор Летописец
Коста Хетагуров

Шота Руставели
Данте Алигьери
Гвидо Кавальканти

Людвиг Ашкенази
Числа Фибоначчи
Сандро Боттичелли

Сандро из Чегема
Теодор Адорно
Сальвадор Альенде

Александр Левин
Людвиг Ван Бетховен
Игорь Северянин

Арцибашев «Санин»
Гавриил Державин
Михаил Державин

Александр Ширвиндт
Алексей Кручёных
Валентин Катаев

Валентин Распутин
Михаил Сухотин
Леонид Утёсов

Аполлон Григорьев
Даниил Андреев
Эдуард Лимонов

Эдуард Багрицкий
Эдуард Асадов
Николай Асеев

Виктор Ерофеев
Анатолий Зверев
Анатолий Карпов

Михаил Ботвинник
Николай Коперник
Юлиан Отступник

Юлиан Семёнов
Леонид Андреев
Леонид Добычин

Пётр Чаадаев
Николай Языков
Михаил Булгаков

Николай Некрасов
Всеволод Некрасов
Всеволод Иванов

Всеволод Емелин
Вячеслав Иванов
Иванов-Разумник

Соловей Разбойник
Щепкина-Куперник
Муравьёв-Апостол

Павел Антокольский
Юрий Левитанский
Мельников (Печерский)

Фёдор Достоевский
Карлос Кастанеда
Гарин-Михайловский

Дмитрий Мережковский
Полонез Агинский
Николай Кузанский

Константин Случевский
Константин Леонтьев
Николай Бердяев

Александр Галич
Казимир Малевич
Дмитрий Шостакович

Ольга Седакова
Алка Пугачова
Дунька Кулакова

ОСНОВНОЙ СПИСОК

Болеслав Храбрый
Сэмюэль Беккет
Леонард Эйлер

Николай Первый
Николай Гоголь
Николай Носов

Николай Рерих
Святослав Рихтер
Иоганн Фихте

Амадей Моцарт
Амадей Гофман
Теодор Драйзер

Джордж Гордон Байрон
Даниил Гранин
Инженер Гарин

Алексей Комнен
Алексей Лосев
Алексей Пешков

Михаил Пришвин
Михаил Рыклин
Михаил Глинка

Рафаэль Санти
Константин Федин
Константин Кедров

Николай Гнедич
Николай Клюев
Николай Байтов

Аполлон Майков
Ярослав Гашек
Бенедикт Лившиц

Леонид Брежнев
Бенджамин Франклин
Робинзон Крузо

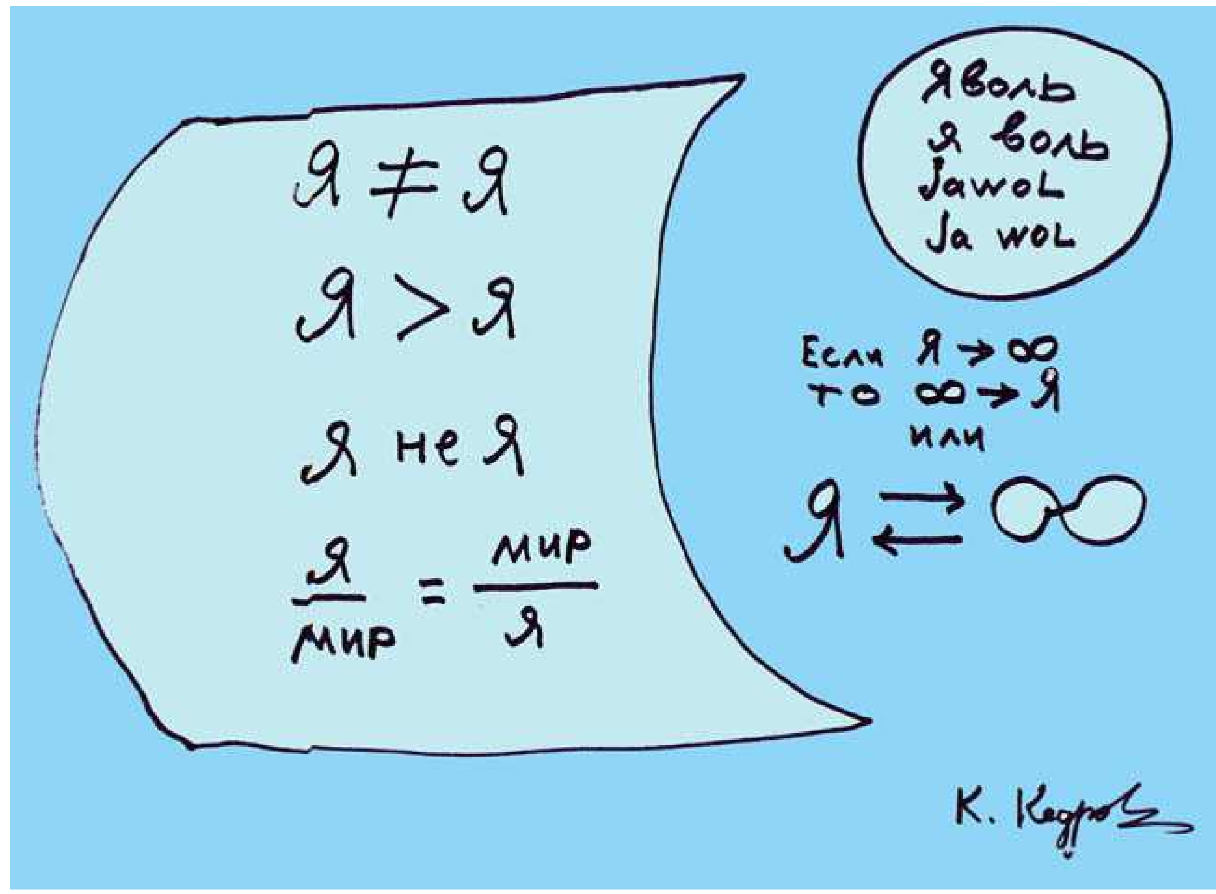
Елена КАЦЮБА
Elena Katsuba
(Москва)

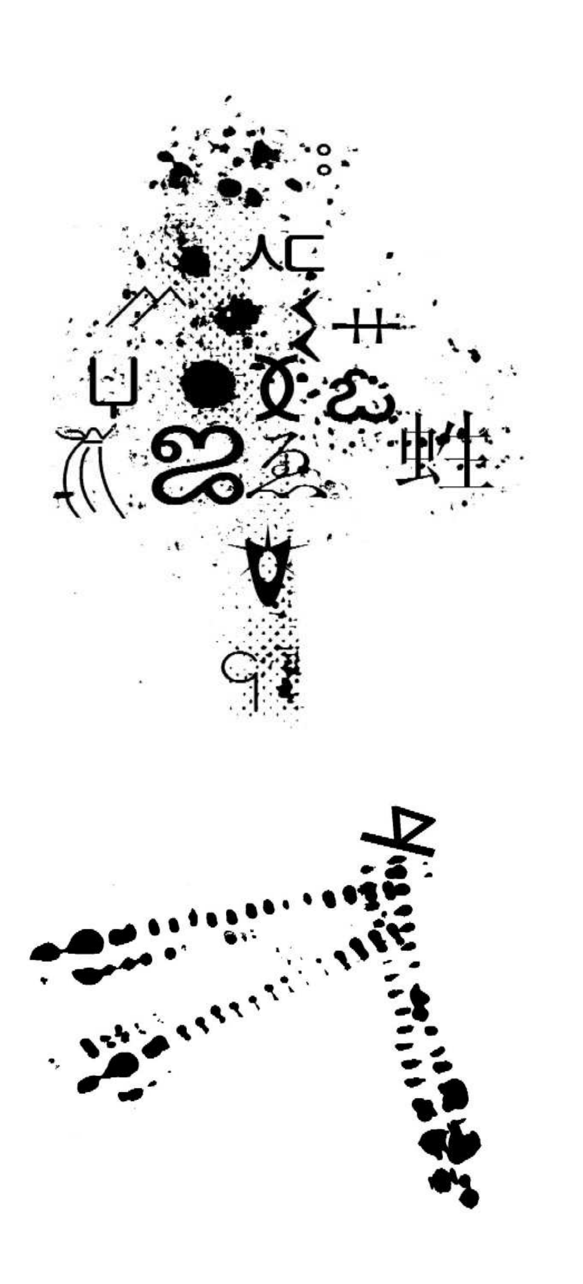

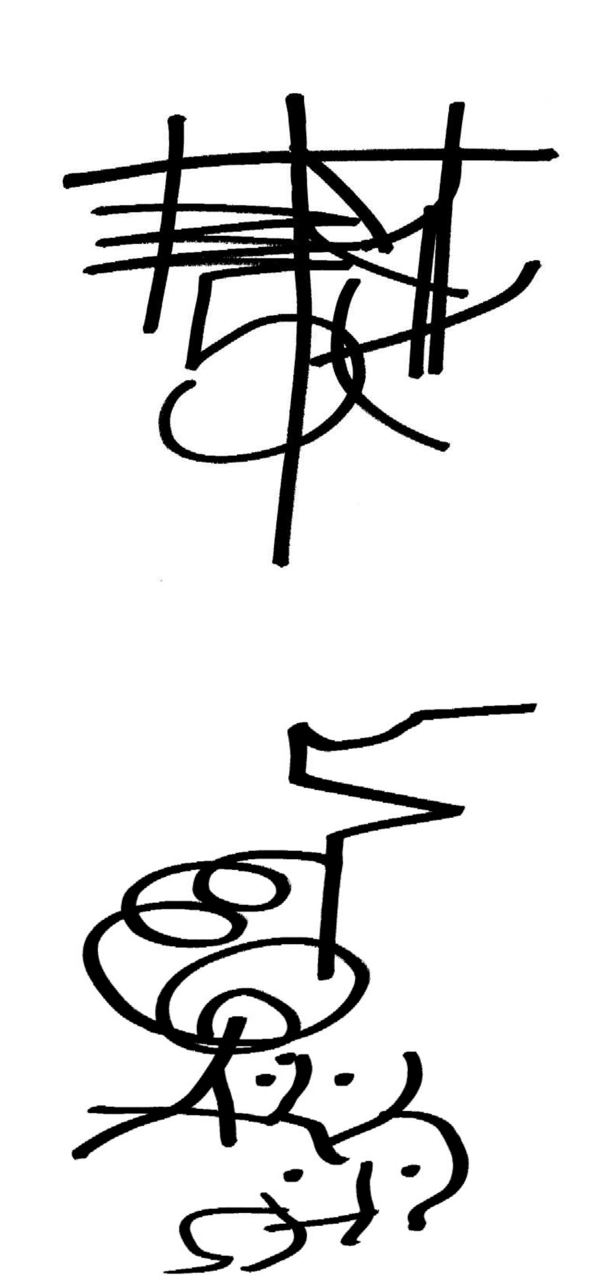
Константин КЕДРОВ
Konstantin Kedrov
(Москва)

Tim GAZE
Тим Гэйз
(Аделаида, Австралия)

Дмитрий ДМИТРИЕВ
Dzmitry Dzmitryieu
(Могилев)

месца для люстэрка

Узор

Света ЛИТВАК
Sveta Livak
(Москва)

каменюга камень каменюка

каменюга

каменюка

камень

сл

они любили его в полях

платья разбросаны по траве

в клетчатой юбке и чёрных гольфах одна

за шею ремнём пристёгнутая к сосне

девушка, спящая на коне

косоглазая, купающаяся в ручье

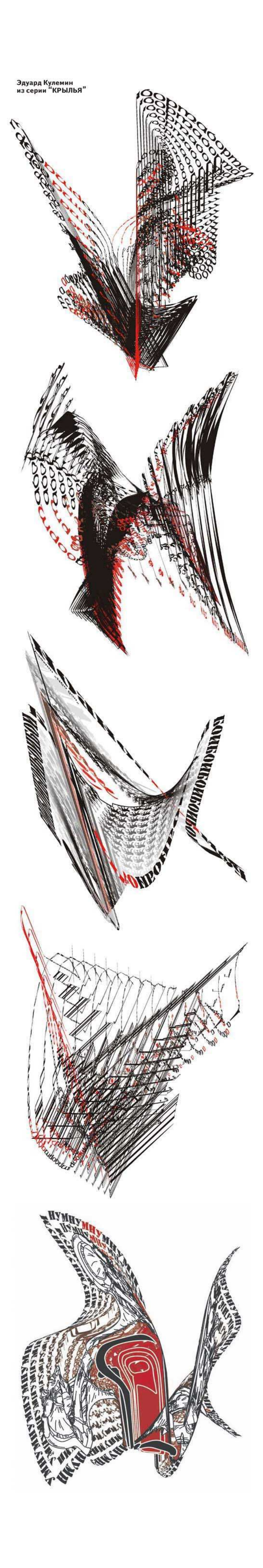
я, живая, со шрамами вдоль спины

там лежал заржавленный пистолет

они искали его в полях

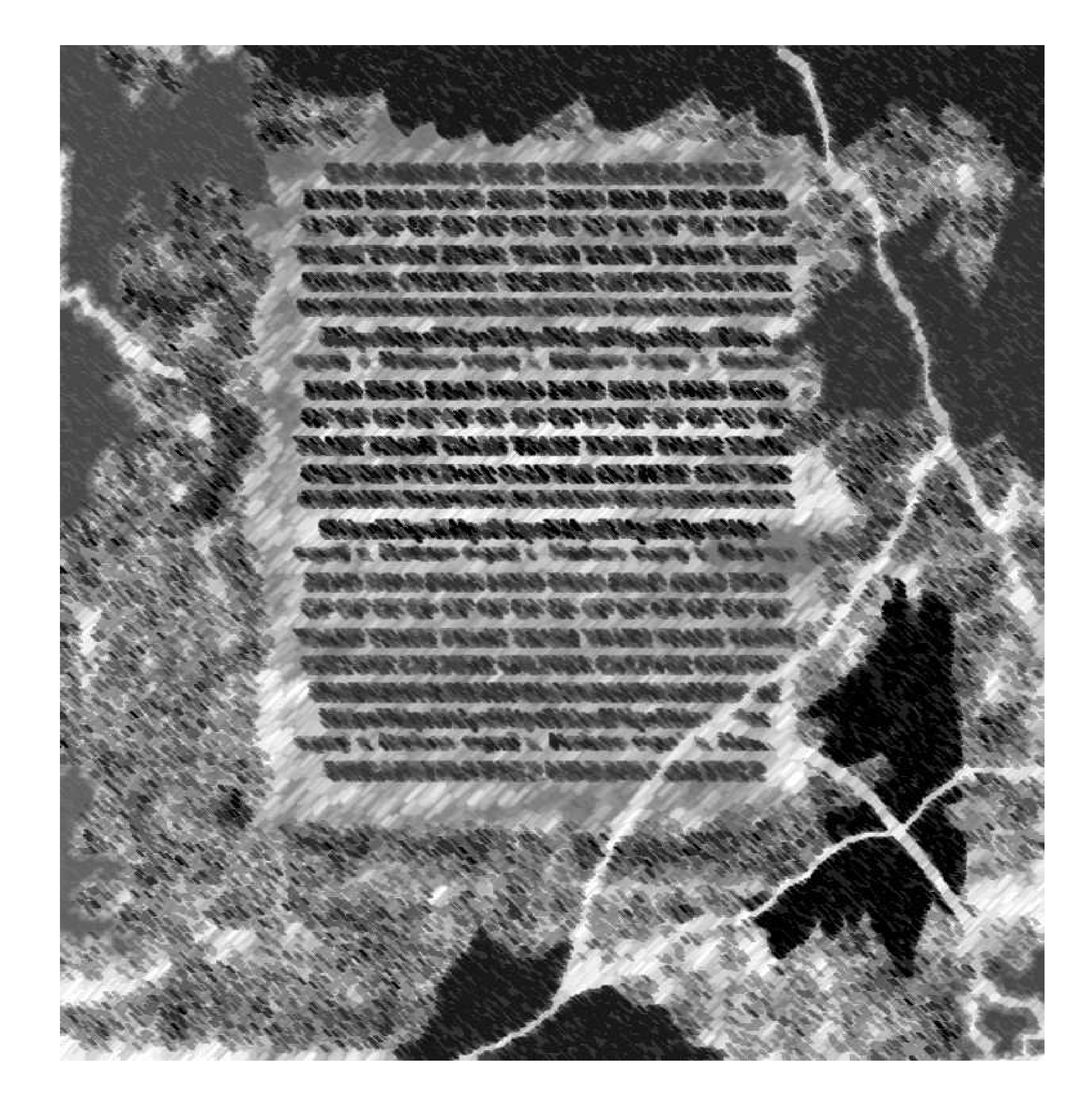
Николай ВЯТКИН
Nikolay Vyatkin
(Москва)

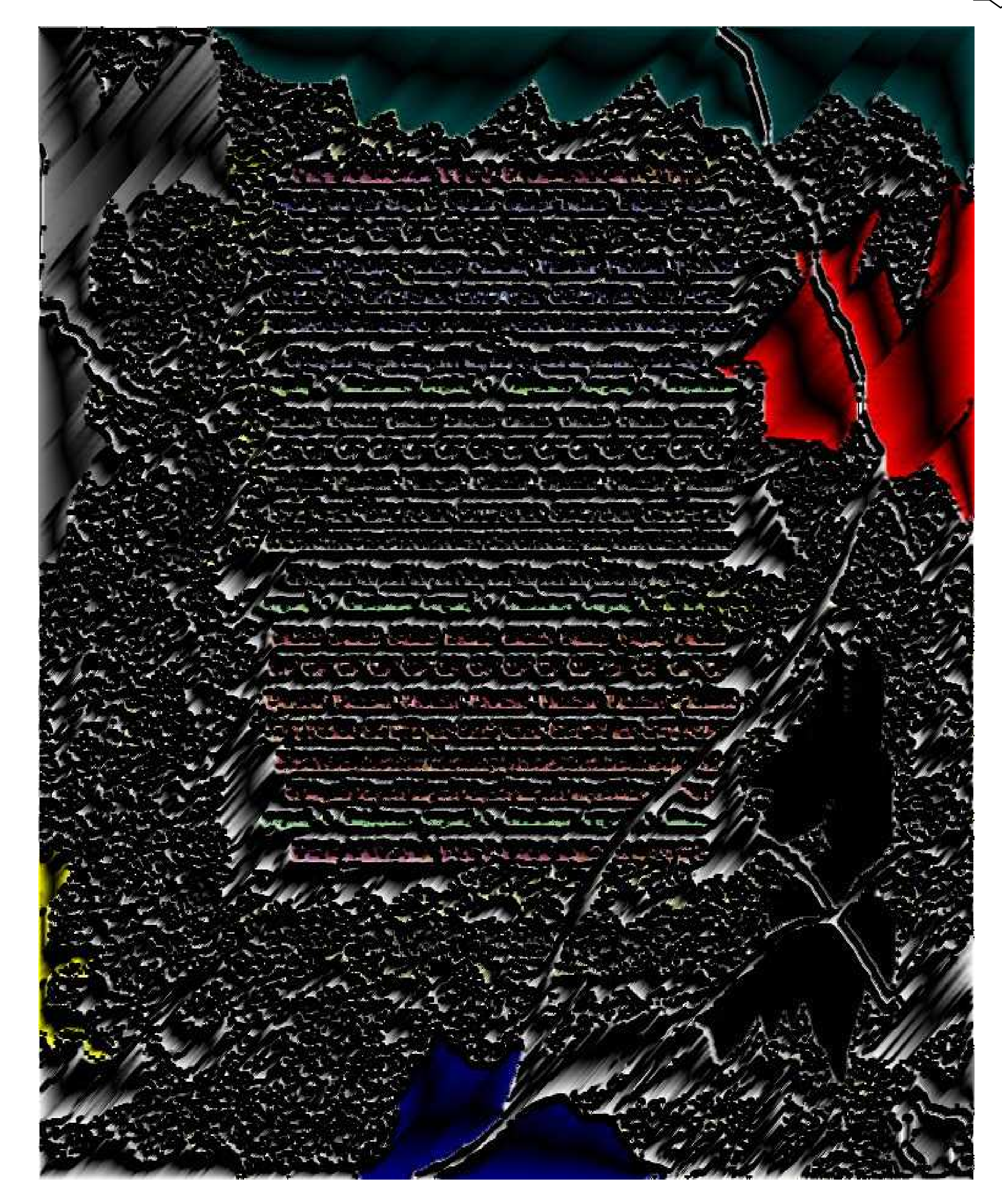
Эдуард КУЛЕМИН
Eduard Kulemin
(Смоленск)

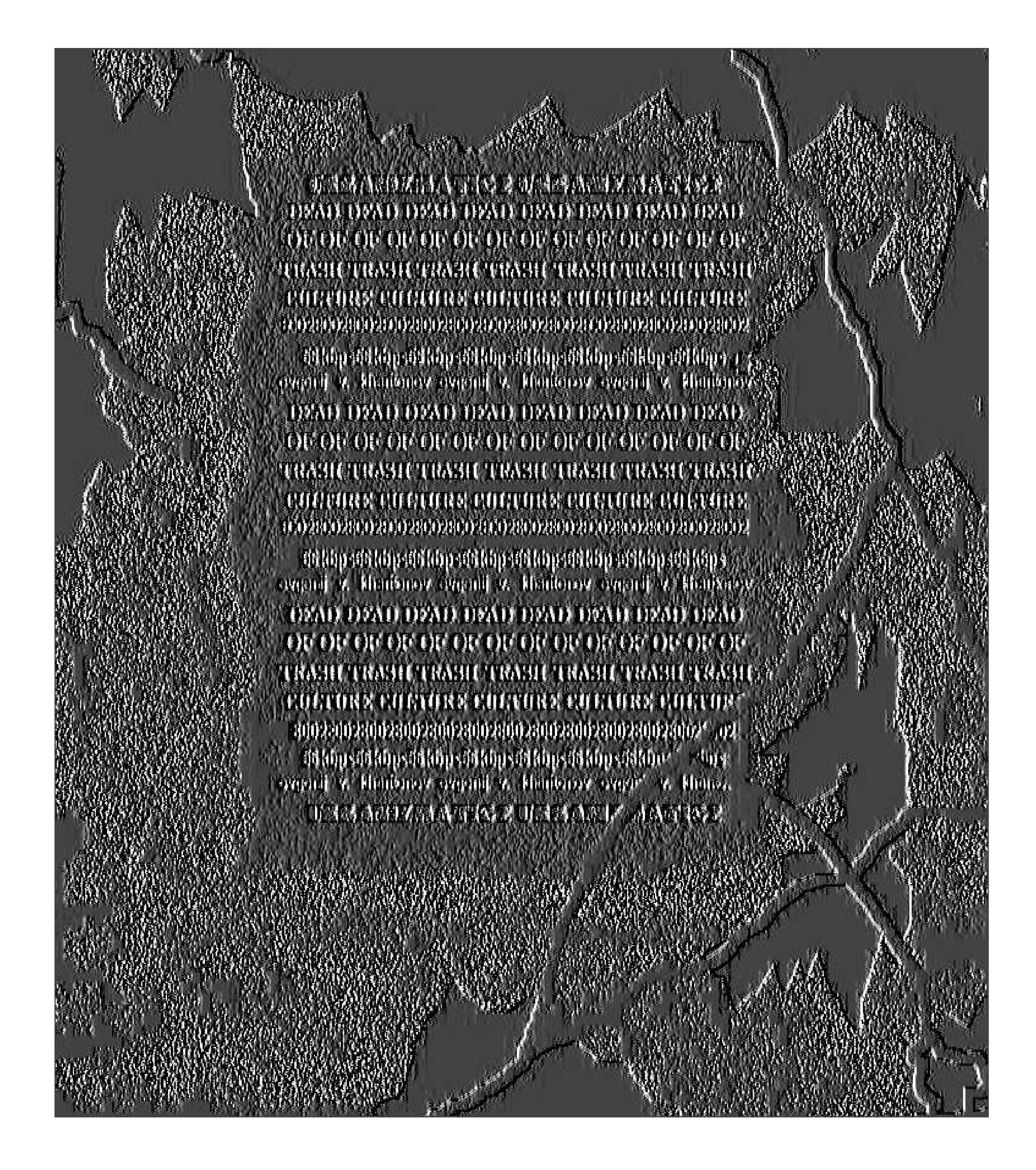

Евгений В. ХАРИТОНОВЪ
Evgenij V. Kharitonov
(Москва)

UNTITLED POEM *(фрагменты цикла)*

DEAD DEAD DEAD DEAD DEAD DEAD DEAD DEAD
OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF
TRASH TRASH TRASH TRASH TRASH TRASH TRASH
CULTURE CULTURE CULTURE CULTURE CULTURE
DEAD DEAD DEAD DEAD DEAD DEAD DEAD DEAD
OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF
TRASH TRASH TRASH TRASH TRASH TRASH TRASH
CULTURE CULTURE CULTURE CULTURE CULTURE
DEAD DEAD DEAD DEAD DEAD DEAD DEAD DEAD
OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF OF
TRASH TRASH TRASH TRASH TRASH TRASH TRASH
CULTURE CULTURE CULTURE CULTURE CULTURE

Александр СМИРНОВ
Alexander Smirnov
(Ярославль)

Ночь

Ночь. Тёплый сумрак лениво переваливается
через подоконник и затопляет комнату. Пушистым
одеялом он обволакивает предметы,
сглаживая острые углы.

Фонари за окном горят тусклым ровным светом,
и свет этот, просачиваясь сквозь густую темноту,
оставляет на полу и дальней стене бледный след,
рисующий второе, вытянутое вдоль комнаты
окно на линолеуме и обоях.

Полуночным тигром на мягких лапах крадётся
в глубине коридора кошка.
Над спящим миром царит тишина, лишь изредка
нарушаемая проносящейся по дороге машиной,
стремительно и шумно разрезающей волны ночи.

Но, пролетев, машина исчезает во мраке, и воды смыкаются,
плавным колыханием восстанавливая нарушенный покой.
Капли времени продолжают падать, неслышно растворяясь в ночи...

© Александр Смирнов

Наташа ХАЙКИНСОН и
Михаил ВЯТКИН
Natasha Haykinson & Mikhail Vyatkin
(Москва)

В Нашем Огромадном
Доме С Пустотами
Наконец Воцарилась **Тишина**

Ни **З**вука

Только **Забытая Жизнь** Неслышно Скреблась и шарахалась

В Три Часа Ночи
Тишина Не Выдержав
Громко сказала

– Ёб - Твою - Мать !

я вздрогнул и проснулся

Такая в *Ту* Ночь Была ***Тишина***

Валерий ГАЛЕЧЬЯН
Valerij Galechian
(Москва)

ЗАПИСКИ О ПОИСКАХ ДУХОИ

ПОБЕДИТЕЛЬ ДУХА

пустота и опустошенность

не сдав экзамены чжун куй
и
знамен ем
грозным опустошения
об
ратился
прев
в демонов
великого
главного
в
о ителя
п бед
д
уха
сл
не в а
ед я
сл у
неуспехов
славным путем
разгребая пустоты
до сих пор не при чем

ВСТРЕЧА

цзян цзы вэня
в белом
с веером белым
на лошади белой
на белой вершине
ри
п в ечал
о стр
г
ро атого
бо д
д
посе евшего
р
черного дракона
влачит колесницу с настойкой
из белой толченой
ш
я мы
с
читает
при
б
не при ился
норов
припозднился
никто
не прив д
е и
ч
ает
в мареве мутном
старческих глаз
незаметным
ос
тался
ски

Milagrosa Romero SAMPER
(Испания)

La vie du Poète Yu

Ou

Le rêve du papillon

8

Petit poème d’anniversaire

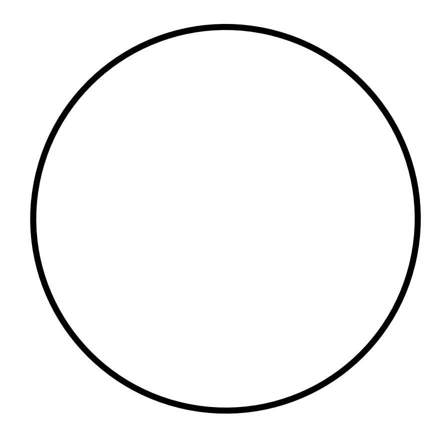
Mila ècrit

8

Le papillon
The butterfly

13

le rêve du papillon
Butterfly’s dream

L’isle
The island

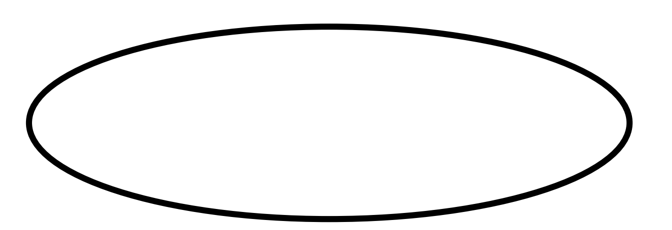
Robinson

9

Le sauvage
The savage

La lune
The Moon

Le lac
The lake

Le moine
The monk

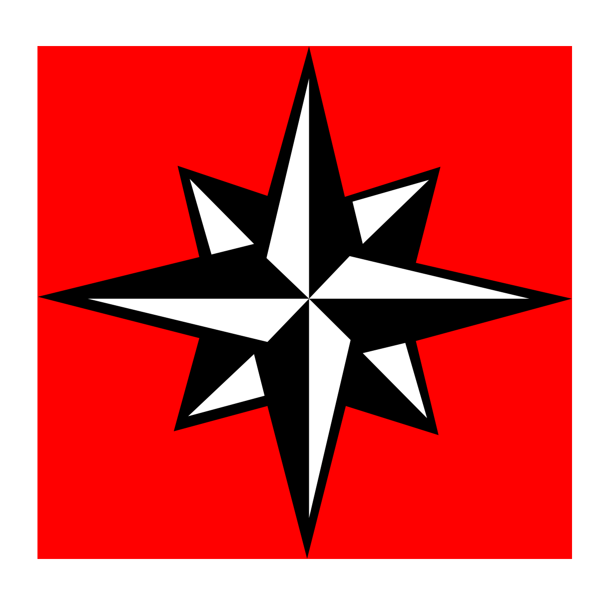
M

Monte Fuji

M

Misha
Mila

ZAUANАЛИZ

Александр В. БУБНОВ
(КуАЗ, 2007)

pr az ents:
Yves Zabythieu /ИВ ЗАБЫТЬЁ
ЧЕТЫР НАДСТИХО

1

зачалиственница стра анна
лиза ветависта
ноя дролепетаю
чу

ре ми

2

гакни
броверли!

3

ариянта
цыяплечье дэл-мастэр
ство ль?
кручокса рвиволосс!

4

поло
ввинти вешку явитро
лент ая три и зумммасса

5

гакни
броверли?

6

о-сторож
наперстницщатилетнего
выхолощеденна-нощ
но упостелен

7

о-стра
тасфера задыхновения
упадалье
но режет не так как
хочет ввысьсколь з!

8

гукни
роп
тич

цадокон!

9

в точ.
купаллА падали визг
оттачивал под-не-бесье?

10

кран
ты стоп
не чуешь своих
горе
ли
остановление башен?

11

лес
дни
царапает кожу но
далеко до крови щё
э
та
ж
крона

12

шелухаляву заливную
клота замирА

13

в
верлибрах
ничего нельзя
кроме мысли очищенной
От

14

ца
уми

Ра!

ПРОЕКТ «ИВ ЗАБЫТЬЁ»
ЛЕКСИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ (ДЛЯ) ПЕРЕВОДЧИКА
(ФРАГМАНТЫ)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
МК - мотивные контексты
МС - мотивирующее слово (слова)
ОМ - омограммы-контексты, контекстуальные омограммы.

Известную в лексикологии аббревиатуру-термин МС предлагаю рассмотреть в "расширении" - МК, дополнив понятием ОМ. (МК и ОМ - мои термины).
Узуальность (например, "вешку" - от "вешка", "лент" - "лента") не комментируется ввиду очевидности.

[1]
зачалиственница. МС: зачали (зачать), лиственница, лист - от листа дерева к листу бумаги. МК: Лиственница как креативное начало; в начале был лист; листва страниц, лиственница страниц.

стра. МС-МК: страница, странность, страна.

анна. МС-МК: ОМ: странна, Анна-Лиза. МК: двойные имена как вимвол двойственности, амбивалентности.

лиза. МК: "Бедная Лиза" (...). ОМ: Лизавета, Элизабет, (...).

ветависта. МС: ветвиста (...). МК: четырёхсложная структура с ударением на 1 и 3 слоге сразу за тавтографонемой (мой термин) - как значащая, концептуальная, ср. "Кока-Кола" (...). МК: анна ветависта = альфа бетагамма. МК: зачалиственница ветвиста.

ноя. МС: Ной. ОМ: но я; но ядро.

дролепетаю. МС: дролечка, лепетать, летать, таять (от восхищения?), летаять, таить (дролепетаЮ). ОМ: ядро. МК: лепетать роль, метать ядра.

чу. МК: лепечу.

ре. ОМ: чур (меня).

ми. МС: me (меня). ОМ-МК: Ремизов? - ре ми зов (ОМ). ОМ: лепечурменя!
(...)

[3]
ариянта. МС: ария, ориентация, янтарь, Инь-Ян (...иян...).

цыяплечье. МС: цыплячье, (пред)плечье. ОМ: ориентация.

дэл-мастэр. ОМ: "заплечных дел мастер"; мастерство.

ство. ОМ: мастерство, ствол, министерство(?).

ль. ОМ: стволь - как женский род от "ствол". ОМ: мастерство ль?

кручокса. МС: крючок, кручение, круча, круче, чокнуться - кручокнуться.

рвиволосс. МС: рви (рвать), рвать волосы (на себе), волосс - колосс, viva (...виво...). ОМ: сорви волос. МК: сорви (сорвать) голос.

[4]
поло. МС-ОМ: половина. МС: пол.

ввинти. МС: Винчи (Леонардо да Винчи). МК: ввинтить наполовину. МК: "хуэйвэнти" - палиндромия по-китайски.

вешку. ОМ: тивишку (тивишка - телевизор). МК: "крылышкуя", Велемир Хлебников, ВЕлемир - ВЕшку.

явитро. МС: явь, явитрО (по типу бистрО, ситрО и т.п.), витраж (наречие со значением "как витраж").

((и так далее))
или
((продолжение следует))

Александр В. БУБНОВ, 2008.

ДРУГАЯ ДРАМАТУРГИЯ

Сергей ЗУБАРЕВ
Sergej Zubarev
(СПб – Липецк)

СТАНЦИЯ «ДОСТОЕВСКАЯ»
(Этюды в подземке)

ДОБРОЕ УТРО

Мрак.
Стук колёс.
Флюоресцентно: проступает картинка.
Южное солнце, море.
В я л ы й на пляже, в шезлонге. Томно: смакует пиво, сигару.
Рядом пустой шезлонг.

Г л а м у р н а я *(в мини-бикини)*. Свободно?
В я л ы й. Yes.

Лениво встаёт, жеманно указывает на шезлонг.

Но только для... Вас.

Долго смотрят в глаза друг другу.

Г л а м у р н а я *(расстёгивая молнию на его шортах)*. Будем знакомы?

Темнота. Чувственное сопение...

Резкий голос:
- «Достоевская». Следующая станция ...(неразборчиво).
Вялый открывает глаза.
Тусклый свет в вагоне метро. Час пик.
Глаза в глаза – крупное лицо пожилой полной тётки, с большой бородавкой.

Т ё т к а. Мы знакомы?

Народ, толкаясь, ломится из вагона.
Вялый плюхается на освободившееся место.
Кутается в тёплую куртку, нахлобучивает капюшон.
Закрывает глаза. Мрак, стук колёс.

РАБОТА – ПРАЗДНИК
(Миллионный кирпич)

Флюоресцентно.
Открытая эстрада под хмурым осенним небом. Духовой оркестр, шары и гирлянды. Размалёванные кривляки-клоуны, полуголые продрогшие танцовщицы. Дорогие суровые гости в дорогих суровых костюмах.
Вялый (в парадной спецовке) кладёт раствор, кладёт кирпич. Кладёт раствор, кладёт кирпич.

Г л а м у р н а я *(в микрофон)*. ...И вот сейчас, несмотря на капризы погоды, – о, чудо! – вот то историческое событие, ради которого мы поднимаем праздничные бокалы с шампанским. Событие, о котором мы говорим с благоговением и придыханием всей восхищённой души. О, ослепительный миг! С этого дня трест «Мезозойстрой» вступает в новую эру, эру рекордных свершений и передовых технологий. Мы возвели

великую новую стену. Если каждый кирпичик положить на кирпичик, вырастет башня до неба, чтобы разогнать тучи и достать солнце! И вот – эту символическую победу мы сотворим сегодня своими руками.
В я л ы й *(шипит)*. Ну, рожай же.
Г л а м у р н а я. Оркестр, туш! Вот он – приближается с каждой секундой, наш долгожданный и горячо любимый, наш герой-Прометей, наш лапусик, гениальный – миллионный – кирпич!

Аплодисменты.

В я л ы й *(сквозь зубы)*. Осточертело. Достали! *(Роняет кирпич на ногу.)* Ууууу!

Бурные аплодисменты.

ВОНЮЧКА
(Не лезь в бутылку)

Мрак.
Стук колес.
Объявляют:
- «Достоевская». Следующая станция ...(неразборчиво).
Вялый открывает глаза.
В поле зрения (сбоку, рядом) – длинные ноги в колготках.
Вялый приосанивается, поправляет капюшон.
Открывает сумку, достает бутылку, жадно пьет.
Закрывает глаза. Расслабляется, раздвигает ноги (свои).
Молния на штанах расстёгнута.

Г л а м у р н а я. Вонючка.

Пересаживается на другую сторону. Её спутник Л ы с ы й (могучий), с ленивой усмешкой, следом.
Вялый закрывает глаза. Мрак, стук колёс.
Вялый открывает глаза. В руках бутылка. Жадно пьёт.
В поле зрения (напротив) – длинные ноги в колготках.
Вялый упрямо пялится мутным взором.

Г л а м у р н а я *(болтнув ногой)*. И не стыдно?
В я л ы й *(упрямо)*. А я думал, это чтоб мужики пялились.
Г л а м у р н а я *(Лысому)*. Это он шутит?
Л ы с ы й. Это я тут шучу. *(Лениво встаёт.)* Ты ж не мужик, козёл. Я тебе щас впялю.

Выхватывает бутылку, бьёт Вялого по голове.
Мрак, стук колёс.

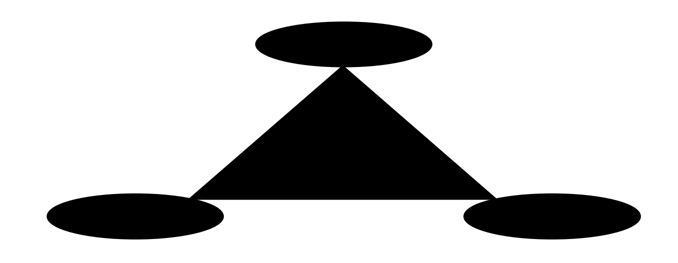
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДЕТСТВО

Мрак.
Стук колёс.
Объявляют:
- «Достоевская». Следующая станция (неразборчиво) «...евская».
Вялый (унылый) открывает глаза. Тусклый свет в вагоне метро.
Поправляет капюшон. В поле зрения – никого, пусто.
...Маленький голый мальчик катит, на верёвочке, паровозик.

В я л ы й. Чувак... Ты охренел?!

Прихрамывая, выскакивает из вагона.

К о н е ц

BOOK ART

Эдуард КУЛЕМИН
Eduard Kulemin
(Смоленск)

ДЕСЯТОК ВСМЯТКУ
(Бук-арт объект)

Эдуард Кулемин "Десяток всмятку" бук-арт-объект

ДП-АРХИВ

Пётр БРАНДТ
Peter Brandt
(СПб)
публикация Петра Казарновского

От редакции:
Пётр Брандт (р. 1947) – поэт, публицист и математик, легенда русской неофициальной поэзии 1960-1970-х, сын писателя Льва Брандта. Работал учителем в школе, инженером, сторожем, слесарем, кровельщиком и т.д. Был близок к кругу поэтов Сайгона и Малой Садовой. В начале 1970-х написал поэму «Монголы», публиковался в самиздате и в эмигрантских изданиях. Стихи включены в антологии «У Голубой Лагуны» и «Острова». Первая книга – поэма «Борей» - была издана в 1999 году в петербургском издательстве «Борей», в 2000 году вышел большой том стихов, поэм и статей «Люди пустыни».

Пётр Брандт. ИЗ ПОЭМЫ «МОНГОЛЫ» (1970-1973) И ДРУГИЕ СТИХИ

МОЛИТВА

Апрель, блуд, колокольная высь
И кони пущены в рысь,
Помолись за меня,
Помолись за меня,
Помолись,
помолись,
помолись...

Знаком тебе топот этих копыт,
Знакома ль походка коня,
Помолись за меня,
Помолись за меня,
Помолись,
помолись
за меня...

Мой первый грех — в том, что я рожден
И рожден, как все, во грехе.
А второй — что холодный и крепкий меч
Застыл у меня в руке.

А третий — в том, что руки твои
На шее моей свились,
Помолись за меня,
Помолись за меня,

Помолись,
помолись,
помолись...

К утру запоют, закричат обо мне'
Пустое седло и обрез,
Помолись... Да родится молитва в огне.
Да коснется молитва небес.

1971

НАШЕСТВИЕ

В глубокой долине сибирской реки
С верховий до самого низа
Идут полукругом густые полки
Наследника хана Чингиза.
Земля, не окончив дневной поворот,
Споткнулась под ним и легла на живот.

Стук-постук, и сломанный сук
Несется из-под копыта,
Уже позабыта дорога назад,
Давно,
давно
позабыта...

Под ханским копытом Шираз и Багдад,
Ступив в города халифата,
Язычник услышал названье — «Джихад»
Священных боев Шариата.
Коран не коснулся чела дикаря,
Но имя войны подошло для коня.

Стук-постук, и сломанный сук
Несется из-под копыта,
Уже позабыта дорога назад,
Давно,
давно
позабыта...

На золоте сбруи рубиновый глаз
Венчает убранство граната,
А в самой вершине граненый алмаз
На сорок четыре карата.
Оленьим ремнем перетянут крестец,
Арабская кровь — вороной жеребец.

Стук-постук, и сломанный сук
Несется из-под копыта,
Уже позабыта дорога назад,
Давно,

давно
позабыта...

Ты, — идущий вожатой птицей
В этой хищной затее,
Ты — сумевший не усомниться
В безумной своей идее,
Ты — впереди увидавший звезду,
Да будет тебе однажды
Разрешено на земли вражьи
Набросить
свою
узду.

* * *

Среди древних восточных орнаментов существовали выполненные столь искусно, что им приписывалась колдовская сила.

Поднялись загнанные кони
Старотатарского аула,
И лег на сбитые ладони
Витой арапник есаула,

Война в пределах мусульманства
Виной неверного тирана,
Его проклятого шаманства —
Гаданья на листах Корана.

Который день застывшим взором
Он смотрит в зеркало убитой,
Но чары этого узора
Сильней цыганки Сарагиты.

Нарушив древние границы
Ее священного запрета,
Узор невиданный дымится
В кирпичной кладке минарета.

А губы шепчут: «Откровеньем —
Проклятым даром предсказанья
И мукой вечного прозренья
Ты мне ответишь за гаданье».

И, чуя близкую погоню
И ветер скорого разгула,
Поднялись загнанные кони
Старотатарского аула.

1975

ПРОКЛЯТЫЙ

Карин, бегущий вслед за пустотою,
Оставь смотрящих за своим порогом,
Закон имеет твердые устои,
Которые являют перед Богом.

Давно забытый грех по свету кружит
Род, осужденный в вечные скитанья,
Пускай ничто тебя не обнаружит —
Твоей беде не нужно состраданья.

Безумный не имеет .покаянья.
Тверды основы древнего заклятья,
Усердным исчисленьем расстоянья
Тебе не откупиться от проклятья.

Теперь, когда рассеянно метутся
Библейской плетью загнанные кони,
Ты все же, всадник, ищешь обмануться
Иллюзией бессмысленной погони?

Твой путь — без цели. Дьявольской издевкой
Твоя звезда горит над Геллеспонтом,
Вперед Карин! Скачи без остановки
За вечно
уходящим
горизонтом.

1978

МИНУТА МОЛИТВЫ

Минута молитвы дана для того,
Чтоб с верой, живой и нетленной,
Средь слез и отчаянья увидеть Его,
Творца и Владыку вселенной.

Затем, чтоб воскресла в смиренных сердцах
В грядущем и нынешнем вецах
Высокая слава Его в небесах
И мир на земле в человецах.

Читает славянка христианский канон,
С врожденным усердием к Богу,
Молитвенным правилом в сердце своем
Себе освещая дорогу.

Ревниво блюдя заповедный наказ
Пророка арабской пустыни,
Творит мусульманка священный намаз
У стен сарацинской твердыни,

И небо Египта в пустынной глуши,
Глубокое небо Ливана
Тревожит теплом правоверной души
Таинственный стих Алкорана.

Седая армянка поет литию.
Как в птичьем зрачке перепонка
Дрожит и безмолвно молитву свою
Творит молодая японка.

И, столь же усердно молитву творя,
Цыганка на уличной свалке
Вникает в святые слова тропаря
Взыскующим сердцем гадалки.

Под знаком Давида в предутренней мгле,
Едва ли что злое содеяв,
С тоскою вздыхает на польской земле
Строптивая дочь иудеев.

Ее же молитвой от уз и оков
Спасают Варшаву и Краков
И присно, и днесь, и во веки веков
Исаак, Авраам и Иаков.

Не спит негритянка на скотном дворе
И многострадальные очи
Сквозь слезы любви воздевает горе
С исходом тропической ночи.

И, строго смиряя гордыню свою,
Суровой стезей добровольной
Вчерашняя леди спешит к алтарю
В толпе голытьбы богомольной.

1987

Савелий ГРИНБЕРГ
Savelij Grinberg
(1914-2003)
публикация и предисловие Сергея Бирюкова

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В этом году исполнилось бы 95 лет замечательному поэту и переводчику Савелию Гринбергу (1914 – 2003). Он родился в 1914 году, в тридцатые годы работал в известной тогда "Бригаде Маяковского", а в шестидесятые годы – в Доме-музее Маяковского. Его собственные стихи были известны и ценимы в узком кругу литераторов, связанных с тем же Домом-музеем (Николай Харджиев, Рудольф Дуганов, Геннадий Айги).
Прямо наследуя русскому классическому авангарду, вбирая опыт Хлебникова, Маяковского, Каменского, Пастернака, Крученых, Савелий Гринберг создал свой индивидуальный стиль, который, разумеется, не вписывался в усредненную "советскую поэзию". В частности, в 60-е годы он пишет серию впечатляющих обратимых стихов – палиндромов, которые сегодня признаются безусловными образцами этой формы. Между прочим, одно из стихотворений (как это часто случается в палиндромии) оказалось пророческим:

и лежу ужели
и лижу ран бока Так обнаружили
меня – я нем

(За некоторое время до кончины поэт оказался прикован к постели).
После переезда в Израиль поэт выпустил в 1979 году в Иерусалиме книгу "Московские Дневниковинки" и стал публиковать стихи в местных журналах, а также занялся переводом на русский современных израильских поэтов. Книга его переводов вышла в Тель-Авиве в 1995 году. Переводы Гринберга, особенно из крупнейшего ивритского авангардного поэта Давида Авидана, получили высокую оценку специалистов и читателей поэзии.
В 1997 году книга Савелия Гринберга "Осен’ия" вышла в Москве. Это своеобразное избранное впервые представило масштаб поэтических поисков автора, последовательно и задорно продолжающего авангардную линию русской поэзии. В том числе в этой книге есть такое стихотворение:

    никто
ничего
не хотел
сказать
ничто
не происходит
ничего нет
не надо
не приду

Но поэт приходит, даже когда он уходит. Поэтический мир Савелия Гринберга остается с нами.

Сергей Бирюков

Савелий Гринберг. ИЗ КНИГИ "ОСЕН'ИЯ"

Палиндро-ямб палиндро-хорей и трёхсложные врезы

Моток котом, мотор кротом.
И не лопат этап - - о лени - -
- о - моде речи чередом
И нету тени Нету тени
Тела - балет Тела - валет
Тела Бедро Кордебалет
Манекена манекенам
Гор опробы Бор Порог
а не мере перемена
Робы выбор Гордо дрог
Роботобор или Молодолом
Море парада радара пером
Мороку укором мороку укором
Морозу не север древесен узором
Телу мал амулет
Тема мет Тема мет
Ига шорох, о, хор, о, шаги.

Игом опыта ты помоги
Тела - балет Тела - валет
Тела Бедро Кордебалет
Вокзал Глазков В окно В звонков
моток котом мотор кротом

Палиндро-детектив

Леша нашёл
Лева навёл
Я следом оделся
и мага шагами
и мага шагами
иду - суду суд и
лезу в узел
городу судорог
Лева нашёл
Леша навёл
А ругала бы ты балагура
Но он Но он
нем раб бармен
Нагана довод и довода наган

Палиндромика в Иерусалиме

Вокал богам и маг облаков
Оливой овило
дар град
Корабль лба рок
Там холмы Дым лохмат
в облака лбов

Но и свет и те в Сион
Но и Сион
МЫТЫМ
Ты мыт А ты мыта
я и ты
Богу туго бытия
Нагло Бог оболган

Мело Гоголем

и кесарево о вера секи кесарево о вера секи
мело гоголем
Вий огонь ногой ив
Мело Гоголем
и лени шинели
Мело Гоголем
Миргороду дорог Рим
Вон стер Троп Портрет снов
Кони порт тропинок
и Генуя у неги и
ноет на Пантеон
и честно зари мира зонт Сечи
Но колоколом молоко локон
укажу чужаку
Корсо Нос Рок
Риму кумир
лани драконами зима но кардинал
виден и тине див
Тот огогоголь логогогот от-
горит и рог сгорит и рог
я и веков Оке Вия
лога лги глагол
болотолоб

Виктория АНДРЕЕВА
Viktoria Andreeva
(1942 – 2003)
Публикация Антона Ровнера; предисловие Аркадия Ровнера

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Виктория Алексеевна Андреева (1942, Омск - 2002, Москва) выросла в Москве. Окончила филологический факультет МГУ (1960-1965). В 1974 эмигрировала в США; училась в Нью-Йоркском университете на кафедре сравнительной литературы. Была одним из двух редакторов журнала "Гнозис" (совместно с Аркадием Ровнером) и одним из четырёх редакторов "Антологии Гнозиса современной русской и американской литературы и искусства" (Нью-Йорк, 1982). Стихи начала писать с 1960-х годов. Примыкала к подпольным, неофициальным литературным кругам Москвы 1960-х и 1970-х годов. Стихи публиковались во многих эмигрантских сборниках и журналах, а с 1989 и в российских журналах. Автор поэтического сборника Сон тверди (1987, Нью-Йорк, "Гнозис пресс"; переиздана в 1989 там же с параллельными переводами английского поэта Ричарда Маккейна и в 2002 в дополненном виде - в Москве). В 1989 вместе с Аркадием Ровнером написала театральную пьесу Чаадаев (1989, Нью-Йорк). Автор многих статей о литературе и религиозной философии (Вл. Соловьёв, Блок и Белый, Бердяев, Киреевский и Чаадаев, Толстой и Фет), которые публиковались в эмигрантских журналах, а с 1989 и в российских. В 1985-1991 написала Телефонный роман - новаторский роман, состоящий из телефонных монологов одинокой русской писательницы в Нью-Йорке (напечатан в 1997 в Литве). С 1994 жила в Москве. Работала над проектом публикации Отцов церкви (Ориген, Климент Александрийский, Иероним Стридонский) в серии "Учители неразделённой церкви".

Имя Виктории Андреевой ассоциируется с двуязычным журналом Гнозис, с Антологией современной американской и русской литературы, графики и живописи, со статьями о современной русской и западной литературе, со стихами, прозой, переводами современных западных поэтов. Ее эстетическая и поэтическая позиции вполне артикулированы. Это - метареализм, творческий прорыв в область трансцендентного. В своих стихах она прекрасно демонстрирует умение заглянуть за пределы явленного и передать это в своих прозрачных, "настроенных по ветру снов" стихах. Виктория Андреева - поэт искушенный и ненавязчивый. Ей присущи собранность, такт и рефлексия. Культурно освоенное пространство ее стиха органично впускает диссонанс, перебои дыхания и ритма модернизма. Она - поэт глубоко индивидуальный. Ее стихи не спутаешь ни с чьими другими "лица не общим выраженьем". Ее называют герметическим поэтом, хотя на первый взгляд они и могут показаться обманчиво доступными. И в этом смысле они очень московские. Она была не громким, но полноправным участником московского литературного подполья, будучи дружески или опосредованно, через друзей, связанной со многими литературными активистами того легендарного периода. Она была одной из первых, кто заявил о существовании нового поэтического пространства. Ее статья о московской и питерской поэзии "В малом круге поэзии" была опубликована в нью-йоркском "Новом русском слове" уже в 1978 году. Имена Станислава Красовицкого, Леонида Аронзона, Генриха Худякова, Анри Волохонского, прозвучали в ней с полным уважением, которого достойны эти поэты.

Она выросла в Замоскворечии под мерный гулкий перезвон часов Спасской башни, под "куполами-облаками" Пятницких церквей. Московский университет был ее alma mater. Она училась в докторской программе Нью-Йоркского университета.

Ее стихи, проза и эссеистика печатались в периодической печати в Москве, Париже, Нью-Йорке, Лос Анжелесе, Филадельфии. Книга ее стихотворений "Сон тверди" вышла в Нью-Йорке. Среди других ее публикаций - двуязычная книга ее стихотворений в переводе замечательного английского поэта и переводчика Ричарда Маккейна.

Аркадий Ровнер

Виктория Андреева. СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

грозили грозини
гризелла гремела
грильяжем грамбес
грандесса грамбилла гродесса
гриветливо грезил гротеск
а ветер прохладой высокой
легко и неслышно дышал
и травы струились истоком
истонченно лепетных жал
и жабы зеленый комочек
забился во мгле на земле
гримасно гризетно гриветно
грозини гризели во мне

* * *

зелени праздничный взгляд
сухо рассыпаны трели
вкрапленных иммортелей
старушечий пряный наряд

античные кулисы
дель-артовский мотет
как шопот директрисы
истории навет:
здесь жил
сюда бежал он
здесь детство он провел
и в этот знаменитый форт
был он заточен
четыре темы эхом:
антибес – антибес
и полис–антиполис
прочерчены средь небес

* * *

тот холодок оттуда
он во мне
он связан звонким шестеричным Е
и шестизначный серафим без крыл
во мне его означил и закрыл
родник печальный иудейских глаз
предания библейского рассказ
вплетается в воронежскую вязь
петляет, стелется родник печальных фраз
журчит затейливо родник
льнёт словно ловит мечет тени сна
сплетая светлые тягучие слова
ловя вздыхая пятна света
влекомое сияющим полуднем лета
Е обратилось в Р, Р претворилось в Е
пеРЕсеча центр тяжести во мне
РЕкою полноводных дней
шурша вдоль нёба памяти моей
РЕча прохладный водомёт Речей

* * *

(по мотивам А. Введенского)

Я бегаю в тоске по зверю
сомнамбулическою дверью
ищу утраченные тени
ищу без сновидений
забытый Богом песнопений
я культивирую потери
служа собаке без зазренья
и кошке без пощады
где вы служители былого
где меценаты поэтического слова
где ветераны золотого
века, вы меценаты лени
жрецы высоких сновидений
Весь город попружинив руки
безобрази дань платить
дробя без жалости и звука
все хрупкие порывы
Ты вепрь разъяренный скукожий
лоснящейся покрытой кожей
Ты барабанщик краснорожий
над безднами средь пропастей Нью-Йорка
Провалы в памяти

* * *

о лета в перелете лет
взлетали ледолебедини
в окне показывали спины
лекалом ледяных лучей
Леже
мелькает зеркалами лета
и гасит жалящее эхо
в молчальной веренице дней
и легкокрылый ледостень
сминает нежный абрис света
расставив гулкие тенета
грозит грозой к исходу дней
и льется лепетная речь
начать стремиться все сначала
как изначального не стало
торопится сказать скорей
взахлеб
гомеровским распевом
о споре лебедя и лета
и о нордической тоске
в разгар тропического света

* * *

Россия жива. Колокольные звоны
еще не замолкли на древней земле
и так же старухи ее богомольны
и девушки так же наивны и строги
и мальчики думают о петле

* * *

Я.В.

вам
кто боролись с Богом
вам
Иакова потомкам хромоногим
вам не осилившим Божественный баланс
и охромевшим
от Лице-
зренья Бога
да вам
испытанным Божественным огнем
слепительною длящеюся пыткой
и охромевшим в Боге
вам
тяжелый вязкий
сон
забвения нелепая
ошибка

* * *

Л. Аронзону

оставив Бога позади себя
оставшись на один в зверинце
блуждает тень моя
ища себя
уйдя в себя
и съежившись с мизинец
закрыв лицо
открыв лицо
уйдя лицо
глаза растерянно блуждают
спиралью сентября
спустившись в этот дом
и в изморози ноября истаяв
и тенью звездною рожденное кольцо
уликою повтор мелькает
раскручиваясь в Млечное окно
и снег с задумчивым дождем
то падает торжественно, то тает
и звездный дождь, и звездное лицо
и звездное окно в начале

УЧИТЕСЬ ХУДОГИ!

Михаил ЭПШТЕЙН
Mikhail Epstein
(Атланта, США)

ПАЛИНДРОМИЯ В СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ.
К философии и лингвистике обратного слова

В этой статье палиндромия рассматривается как явление языкового творчества, способ словообразования и смыслообразования. При этом понятие палиндрома толкуется широко, как обратный порядок букв в слове (или в любом отрезке текста), который может быть тождествен прямому или отличен от него. В последнем случае палиндромом исходного слова может быть другое слово или набор букв, морфологически и лексически неоформленный, но способный перерастать в потенциальное слово. Таким образом, в статье выделяются палиндромы трех типов: *амбинимы*, *ретронимы* и *реверсивы*, с особым вниманием к последним как словообразовательному ресурсу языка. Речь идет об *универсальной* и *проективной* палиндромии, которая относится ко *всем* лексическим единицам языка и указывает способы их *преобразования* – буквенной и смысловой реверсии.

1. Палиндромия первого и второго типа: амбинимы и ретронимы

Понятие "палиндром" (греч. palindromos – бегущий обратно, возвращающийся) толкуется порой очень узко, как такой текст, который одинаково читается в обе стороны, слева направо и справа налево. Одно и то же сообщение воспроизводится в обе стороны, как в державинской строке *"я иду с мечем судия"*. Например, в статье М. Л. Гаспарова, которая перепечатывается из энциклопедии в энциклопедию, предлагается именно такое определение: "*Перевертень, палиндром(он)* – фраза или стих, которые могут читаться (по буквам или словам) спереди назад и сзади наперед с сохранением (обычно тождественного) смысла".[9]

Во-первых, это не совсем верно: палиндромом может быть не только фраза или стих, но и отдельное слово, например, *шалаш, топот, noon, level.* Такие слова уместно назвать *амбинимами* (греч. *ambi* – вокруг, с двух сторон), поскольку они одинаково читаются в обе стороны.

Во–вторых, непонятно, что значит "с сохранением (обычно тождественного) смысла". Если он сохраняется, значит, он тождествен.

В-третьих, возникает вопрос: как быть в том случае, если в обратном порядке читается другое слово, не тождественное исходному? "Дар – рад", "куб – бук", "шорох – хорош", и т.д. Считать ли эти слова палиндромами?

В англоязычной традиции такие асимметричные перевертни тоже считаются палиндромами, в более широком значении этого термина: слово, которое и при обратном чтении образует слово, *то же самое* или *другое*. Таких незеркальных, инословных палиндромов в языке гораздо больше, чем тождественных. "Лепет – тепел", "нос – сон", "мор – ром", "морг – гром", "лист – стиль", "вино – овин", "огород – дорого", "mood – doom", "live – evil", и т.д. Для них в английском есть особое название – "ретроним" (retronym, от лат. retro, назад).[10] Палиндромная поэзия с включением ретронимов, асимметричных структур, более богата по своему потенциалу, чем то, что обычно называется палиндромной поэзией, где стих читается одинаково в обоих направлениях. Палиндромы первого типа, *амбинимного*, интересны как формальное явление симметрии, но повторяя сообщение, изотропное самому себе, семантически избыточны ("А роза упала на лапу Азора"). В палиндромах второго типа, *ретронимного*, строка развертывается в обратном направлении уже с иным значением, как бы встречно первому, переигрывая его, перекликаясь с ним, но не вторя буквально и дословно. Иногда такие асимметричные палиндромы, т.е. ретронимы, по-русски называют "оборотнями", - пример из Д. Авалиани:

---

[9] Литературная энциклопедия терминов и понятий, ред. А. Н. Николюкин. М.: НПК "Интелвак", 2001, С. 735 (такое же определение, слово в слово, и в статье "Перевертень", в "Краткой литературной энциклопедии", М., 1968, т. 5, С. 655).

[10] The Oxford Companion to the English Language, ed. by Tom McArthur. Oxford, New York:Oxford University Press, 1992, p. 863.

"анатом – за разум!"

обратное прочтение: *"муза размотана!"*

Я приведу еще два крошечных самодельных примера литературной ретронимии.

Вдвоем

Шорох тепел.
Лепет хорош.

Бунт

Корень ропота.
А топор – не рок.

Такой палиндром извлекает из обратного чтения иной смысл, чем из прямого, играет на их разности и взаимодополнительности.

Итак, нельзя сводить палиндромы лишь к одной их разновидности, где обратный порядок букв идентичен прямому. Палиндромы делятся на *амбинимы*, где в обратном порядке повторяется прямой (*шалаш – шалаш*), и *ретронимы*, где в обратном порядке образуется иное слово (*ропот – топор*).

2. Палиндромы третьего типа: реверсивы

Как правило, в фонетической письменности палиндромия, даже с включением ретронимии, охватывает лишь малую часть слов. Большинство слов, прочитанные наоборот, не повторяют себя (палиндром-1, амбиним) и не производят другого слова, отличного от себя (палиндром-2, ретроним), но дают набор букв, лишенных морфологического строя и лексического значения. Палиндромами таких слов, как "друг", "колос", "книга", выступают бессмысленные буквосочетания: "гурд", "солок", "агинк". Такие палиндромы третьего типа мы назовем *реверсивами* (англ. reverse, обратный, от лат. reversare, поворачивать(ся), reversio, возврат).

Реверсивов, то есть потенциальных слов, обратных реально существующим, в языке гораздо больше, чем ретронимов. Заметим, что название "реверсив" не включает в себя основы "ним" (греч. "имя"). В отличие от амби*ним*ов и ретро*ним*ов, реверсивы не являются "нимами", актуальными словами – это лишь потенциальные слова, актуализация которых зависит от множества языковых и социальных факторов. *Реверсив* – набор букв данного слова в обратном порядке, который не совпадает ни с одним наличным словом, но образует возможность нового слова. Например, "обен" – это реверсив слова "небо", а "немак" - реверсив слова "камень" (поскольку в русском языке нет слов, начинающихся с мягкого знака, и вообще последний служит лишь обозначением мягкости предыдущего согласного, то при реверсии мы его опускаем).

Каков смысл лексической реверсии? У каждой именуемой вещи есть ее иное, ее обратная сторона. Эта изнанка или испод вещи и проглядывает в ее перевернутом имени, состоящем из того же набора букв, из той же фонетической "материи", но лексически не "оттесанной", морфологически не "прорезанной. Проведем эстетическую параллель. Представим, что в художественном музее выставлены разные объекты: не только статуи, но и камни и скалы подобные тем, из которых они были изваяны. Очевидно, что вхождение этих натуральных предметов в пространство музея тоже делает их произведениями искусства. Это рэди-мэйды (ready-made), т.е. объекты реальной жизни, явления природы или предметы повседневного обихода, наделенные эстетической функцией. Понятие "рэди-мэйд" введено в начале 1913 г. Марселем Дюшаном: в число его арт-шедевров входили плавающая вешалка для шляп, скребок для снега, писсуар, переименованный в "фонтан", прибитая к полу вешалка для верхней одежды, прикреплённое к табуретке велосипедное колесо и т.д.

Точно так же мы можем выставить в музее языка, ввести в систему языка наряду с лексическими единицами их *реверсивы* (или *обратимы*), которые начинают восприниматься в этой системе дифференциальных признаков как новые слова, в странных, остраняющих отношениях с их производящими словами. Слово "друг", переворачиваясь в "гурд", раскрывает свой буквенный испод, свою бесформенную фонетическую массу, из которое может вылепиться, но еще не вылепилось значение "друг". Несомненно, что между "друг" и его обратимом "гурд" есть системная связь, которая пронизывает всю лексическую систему языка и потенциально ее удваивает, по крайней мере количественно. Между *друг* и *гурд* такое же соотношение, как между *крот* и *торк*, или *трава* и *аватр*, *любовь* и *вобюл*, или *лист* и *тсил*. Вообще реверсия – это более регулярный способ словообразования, чем любой другой, существующий в языке, поскольку у *каждого* слова есть свой реверсив, состоящий из того же набора букв в обратном порядке.

Особенность реверсивов как потенциальных лексических единиц – их морфологическая нечленимость и вместе с тем морфологическая производительность, т.е. способность образовывать производные слова с новыми грамматическими значениями. Так, от реверсива "гурд" (<друг), как существительного, образуются прилагательное *гурдовый*, глаголы *гурдиться*, *загурдиться*, производные существительные *гурдовость*, *гурда*… (ср. *груда*, *гурьба*).

Что же такое "гурд", как можно было бы мотивировать значение этого потенциального слова? *Гурд* – это оставленный или отвернувшийся друг, друг, оставшийся в прошлом, но зиящий своим отсутствием, минус–значимый. *Гурда* – это совокупность бывших друзей, вычтенное из нашей жизни сообщество. "Ушел в *гурду*" – присоединился к тем, ушедшим или забытым друзьям. *Гурдовый* – чужой, уходящий, применительно к тому, кто был родным, близким, дружеским. "Какой–то он сегодня *гурдовый*" (обратный другу).

"Гурд" и его производные указывают на "раздруживание" или "не-одруживание". Реверсив обращает вспять то смысловое формообразование, которое совершилось в мотивирующем слове. Это цельная, слитная *аморфема*, т.е. единица *аморфности*, которая, однако, соотнесена со своим морфологическим прототипом (*мотивантом*) и тем самым, в дифференции с ним, также становится лексической единицей; причем ее значение не выводится однозначно из значения мотиванта. Из значения слова "друг" автоматически не выводится значение слова "гурд", поскольку каждой вещи и понятия есть, как говорил Гегель, "свое иное". Но ведь и значение любого производного слова, например, "дневник" или "ночник", не выводится, как показал М. В. Панов, из значения слагающих его элементов. Мы знаем, что дневник имеет какое–то отношение ко дню, а ночник к ночи, и что –ник означает некий предмет или деятеля, но то, что *дневник* означает подневную запись, *ночник* – осветительный прибор, *вечерник* – студента вечернего обучения, а *утренник* – утреннее мероприятие, - это мы не можем вывести из значения слагающих элементов, это принадлежит значению данного слова как синтетической, неразложимой единицы. Точно так же мы знаем, что *гурд* имеет отношение к *друг*, *атчем* – к *мечта*, *чон* к *ночь*, *нед* к *день*, но мы не можем автоматически вывести значения этих реверсивов из их мотивантов (*ортонимов*, с прямым порядком букв). Хотя все реверсивы имеют общий компонент значения - "обратность" (как все вышеприведенные слова имеют отношение к частям суток), но значение каждого реверсива задается индивидуально, в словарной статье и речевом употреблении.

Вот как выглядели бы определения и примеры из гнезда "гурд" в "Словаре реверсивов":

гурд (от "друг") – друг, повернувшийся спиной, уходящий, покидающий, забывающий и забываемый; тот, с кем дружба слабеет, прерывается, остается в прошлом.

> Я с этим *гурдом* уже сто лет не переписывался.
>
> Увы, у меня уже *гурдов* больше, чем друзей.
>
> Самое сложное – когда к тебе на день рождения приходят друзья и *гурды*, смешиваются и общаются так, словно все они – друзья, так что тебе самому их непросто различить.

Кто устанавливает значение слова? Тот, кто первым предлагает его – но затем оно начинает обкатываться в языке и может уйти далеко от первоначального, так что все мои предложения по значению реверсивов чисто эскизны. Здесь открывается огромный простор не только для *словотворчества* на основе "обратных корней", но и для *смыслотворчества* на основе "обратных значений", создания альтернативных вещностей, понятий, смыслов, картин мира.

3. Палиндромия и философия языка

Возникает философский вопрос – зачем? Зачем нам это огромное количество потенциальных слов, изъятых из буквенно-фонетической изнанки существующих слов? Что они призваны обозначать, какой вклад вносить в лексико-семантическую систему языка? На этот вопрос можно ответить словами двух выдающихся философов 20 в.: Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера.

Витгенштейн писал: "Человек имеет влечение (порыв, импульс) наскакивать на границы языка. Подумайте например об изумлении, что что–то существует. Это изумление нельзя выразить в форме вопроса, да и ответа на него вовсе никакого нет. " [11]

Изумление перед тем, что нечто существует, нельзя выразить ни в форме вопроса, ни в форме ответа. Но можно выразить его реверсивом, т.е. переворачиванием имени того, что вызывает изумление. "Гурд" – это наше изумление тому, что существует нечто, обозначаемое "друг". Это наш способ "наскочить на язык", освежить и остранить восприятие знакомых понятий и явлений, взглянуть на них с из-нанки, т.е. совершить знаковый акт из-умления. Если мы станем спрашивать: "что такое друг? как нам понять смысл этого слова?" и будем отвечать на этот вопрос так, как отвечают словарные определения или философские умозрения, мы все еще останемся в границах языка. "Друг – тот, кто связан с кем-л. дружбой". "Дружба – отношения взаимной привязанности, духовной близости". "Дружба – дар богов разобщенному человечеству". Все это – внутри языка. Чтобы воистину "наскочить на границы языка", нам нужно зайти к нему с обратной стороны, вывернуть его наизнанку, и реверсия – как раз и есть один из способов такого выворачивания.

Есть ли другие способы выйти на границу языка, т.е. его границу с не-языком? Можно замолчать. Но молчание, одинаковое по отношению ко всем единцам языка, запредельное всему языку, не будет выражать нашего удивления

[11] L. Wittgenstein. Werkausgabe, 8 Bd. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, 1984. Bd.3, S. 68. Цит. по: В. В. Бибихин. Витгенштейн: смена аспекта. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005, С. 320.

именно перед данным явлением, как оно обозначено словом "друг". Мы можем изобретать несуществующие и ничем не мотивированные слова, т.е. буквосочетания, такие, так "гндчейк" или "окднмялс", но они не выразят нашего специфического отношения данному явлению, в его лексико-семантической определенности. Вот для чего нам открывается изнанка слова: она несет в себе не абстрактную запредельность всему языку, а запредельность именно данному слову-понятию и неразрывно с ним связана, как изумление ему, изумление перед ним. Можно только поразиться тому, как много еще неведомых нам слов и значений скрыто в составе существующих слов, сколь многое можно из них извлекать и наделять смыслом. Это примерно такое же чувство нового наполнения знаковой вселенной, которое охватило Марселя Дюшана, когда он понял, как можно, не создавая новых вещей, расширить границы художественной вселенной, введя в нее все вещи мира. Можно изготовлять особые художественные объекты, а можно просто передвинуть границу художественности, оторвать эстетическую функцию от особых, избранных объектов и сделать ее подвижной, блуждающей. Любая "готовая" вещь, которая выступает в свой обычной, утилитарной функции и которую мы просто употребляем или машинально пропускаем мимо себя, может быть выставлена как самоценный предмет созерцания и интерпретации. Зонт, швейная машина, любой кусок дерева или металла могут приобрести эстетическую функцию и стать произведениями искусства в этой новой, контекстной вселенной. Художественность – это не особая субстанция (картина, полотно, краска), это особая смыслоразличительная функция, которой может быть наделена любая субстанция.

Точно так же подвижны и границы языковой вселенной. Те знаковые массивы, которые служат лишь буквенно-фонетическим материалом для образования слов, все эти наборы букв, например, "агинк", скрытое в "книга", - могут артикулироваться как самостоятельные слова, стать элементами лексической и морфологической системы языка. Не обязательно изобретать новые. морфологически членимые слова – можно просто передвинуть границы лексико-грамматической системы, хотя и сделать это гораздо труднее, чем с художественно-выставочной системой, потому что система языка первична и к ней причастны все живущие. И все-таки, "наскакивая на границы языка", мы раздвигаем эти границы. А если вспомнить, что, согласно тому же Витгенштейну, "границы моего языка – границы моего мира", то, реверсируя язык, выворачивая наизнанку и заново морфологизируя и лексикализуя обратный буквенный порядок слов, мы раздвигаем границы своего мира.

Теперь обратимся к М. Хайдеггеру, который так вводит нас в метафизические глубины "ничто": "Ничто – не предмет, ни вообще что–либо сущее. Оно не встречается ни само по себе, ни пообок от сущего наподобие приложения к нему. Ничто есть условие возможности раскрытия сущего как такового для человеческого бытия. Ничто не составляет, собственно, даже антонима к сущему, а исходно принадлежит к самой его основе. /…/Только потому, что в основании человеческого бытия приоткрывается Ничто, отчуждающая странность сущего способна захватить нас в полной мере. Только когда нас теснит отчуждающая странность сущего, оно пробуждает в нас и вызывает к себе удивление. Только на основе удивления – т.е. открытости Ничто – возникает вопрос "почему?""[12]

Хайдеггер здесь развивает мысль, дословно близкую витгенштейновской: "об изумлении, что что–то существует", или "о том, что странность сущего пробуждает в нас и вызывает к себе удивление". Что такое это Ничто, которое в нас и нами удивляется сущему? Как представить и выразить его? И здесь Хайдеггер употребляет лингвистический термин "антоним": "Ничто не составляет, собственно, даже антонима к сущему, а исходно принадлежит к самой его основе". Это значит, что мы не может обозначить Ничто, лежащее в основании сущего и всех сущих вещей, *антонимами* их имен, т.е. простым отрицанием, словами, противоположными по смыслу. Ничто, лежащее в основе бытия, не называется "небытие" или "противобытие", потому что эти антонимы просто выставляют *нечто* противоположное бытию, а вовсе не то *Ничто*, которое лежит в основе самого бытия. Конечно, мы можем отнестись к этому Ничто простым актом молчания, выходом за предел языка, но ведь это Ничто – свое для бытия в целом и для каждой отдельной бытийности, у него должно быть много имен, оно столь же конкретно и многообразно, как формы самого бытия.
На всякое "нечто" есть свое "ничто", на всякое "что-то" – свое "ничто-то", "кое-ничто", "ничто-нибудь" и т.д.

Чтобы найти особый знак этого Ничто для бытия и для каждой именуемой предметности и "чтойности", мы опять-таки должны использовать само это имя, но не в его механическом отрицании через приставки "не-" или "противо-", а в его неузнаваемой, удивляющей странности. Ничто, как оно раскрывается в бытии, называется не его антонимом "небытие", а реверсивом "**еитыб**". Именно в нем знаково артикулируется та "отчуждающая странность сущего", которая переворачивает знакомое имя "бытие" и побуждает прочитать его наоборот, а прочитав, осмыслить. Мы смотрим на пестрый ковер действительности, на хорошо прописанные линии, узоры, каждый из которых представлен четко вытканными, окрашенными нитями. Таков мир наличных знаков. И вдруг мы заглядываем на этот ковер с другой стороны и видим спутанные, беспорядочные нити, блеклые краски, расплывчатые узоры. Тогда-то отчуждающая странность сущего и настигает нас, когда мы читаем "бытие" как "**еитыб**", "знание" как "**еинанз**", "вера" как "**арев**", "истина" как "**анитси**", "земля" как "**ялмез**". Если бы мы читали это как "незнание", "неверие", "не-истина", "не-земля", то есть как антонимы, оно не вызывало бы в нас этого чувства отчуждения языка через сам язык и через обращение каждого его имени. Вот передо мной **агинк**, загадочный объект, который раньше воспринимался как обыкновенная книга; а теперь я вижу, как он машет крыльями и пытается от меня улететь, помахивая на прощанье мириадами белых крыльев в черных крапинках. Конечно, мы приневолили вещь, твердо назвав ее *книгой*, и заставили ее нам служить черными значками на белых страницах – а ведь она, *агинк*, принадлежит и другому миру и готова в него улететь, помигивая своими крапчатыми крыльями…

Между "это" и "отэ", между "камень" и "немак", между ортонимом и реверсивом приоткрывается Ничто. Не то абстрактное Ничто, которое именуется "Ничто" (увы, и сам Хайдеггер не находит для него более странного, отчуждающего имени, чем рутинно заготовленное в философском словаре), - но "**отчин**", то единственное, данному

[12] М. Хайдеггер. Время и бытие. М.: 1993, С. 22–23, 26

Ничто присущее ничто, которое связывает его с его иным, его исподом. Небо являет это свое ничто как "обен", море как "ером", а мрак – как "карм".

И это же ничто приоткрывается во мне самом. Я Эпштейн, но, конечно же, во мне есть и Нйетшпэ, как во всяком Михаиле есть Лиахим. Я, Лиахим Нйетшпэ, чувствую в себе эту сырую массу своего лиахимного вещества, необработанную скалу своего нйетшпэнства, из которого я вырублен на свет и в которую вернусь, как Адам в адама, ту красную глину, из которой его вылепил Господь. В том-то и дело, что у каждого – свое ничто, из которого он *обытиен*. У каждого сущего свое имя этой странности. **Аксот** – так называется отчуждающая странность тоски. **Абжурд** – отчуждающая странность дружбы, **оверед** - дерева, а **канз** – знака. И само "**еитыб**" для меня – это не отрицание бытия, это не небытие, а это состояние до раздела на бытие и небытие, то, из чего бытие выходит, отделяясь от небытия. Вначале был **еитыб**.

4. Реверсия в языке и мироздании

Теперь мы можем оценить и обозначить все многообразие мира явлений, вывернутых, как и их имена. Стол – **лотс** для того, кто живет под столом, например, для ребенка, для собаки, для пьяницы, для любого "подстольника", человека, который лежит под ним и смотрит на него снизу. Лирическое постижение **лотса** выразил поэт Николай Глазков, когда писал: "Я на мир взираю из-под столика". Собственно, всякий невольник мировых событий, не званый на их пир, но застигнутый врасплох и наблюдающий их снизу, видит не стол, а **лотс**. Оставить записку на **лотсе** – значит, наклеить ее под крышку стола, в надежде, что адресат сумеет ее обнаружить именно в этом неподходящем месте. "**Лотс**" – это имя всех странностей и чуждостей, всех остранений и очуждений, в которых может оказаться столь знакомый нам предмет мебели. Для именования перевернутых объектов подходят перевернутые слова. После бурной вечеринки вокруг валяются **лотсы** и **лутсы**.

Такая перевернутость случается не только в пространстве, но и во времени. Например, человек своим беспорядочным образом жизни или природа своим причудливым северным нравом обращают ночь в день, а день в ночь. Очевидно, это уже не день, а **нед**, и не ночь, а **чон**. В любом слове скрыто противослово, смысл которого задается самим исходным словом, точнее, совокупностью его переопределений, инополаганий. "**Тноз**" – это зонт, которым не укрываются от дождя, а втыкают в швейную машинку, как в афоризме Лотреамона: "Это прекрасно так же, как встреча швейной машинки и зонта на операционном столе". Вообще, вводя *противослово*, мы сразу умножаем число понятий, вещей, мировых проекций. Мир становится шире, альтернативнее, иномирнее. Все смотрят в зеркало – а попробуем заглянуть в **олакрез**! Ола-ла! - как бы не обрезаться, ведь зеркало с обратной стороны может быть не отшлифовано.

Речь идет об *универсальной палиндромии*, которая потенциально охватывает все лексические единицы языка и является *анизотропной*, т.е. в обратном прочтении меняет порядок букв и создает возможность иного смысла. Это богатая, содержательная палиндромия, которая не ограничивается тавтологией прямого и обратного прочтения, но творит новые слова и смыслы. Так выявляется огромная лексическая масса "противоязыка", ждущая своего смыслового раскрытия. Обратимый (но еще не обращенный) буквенно-фонетический состав знаковой вселенной – это как темная материя в физической вселенной, которая составляет его основную массу (только 4% приходится на видимое вещество).

Если быть точнее, то темная и преобладающая часть знаковой вселенной – это все возможные анаграмматические перестановки букв. Например, в трехбуквенном слове "мир" заложена "анаграммасса" шести слов: "мир", "мри", "имр", "ирм", "рми", "рим". Из них только половина: "мир", "Рим" и "мри" (редкая повелительная форма глагола) – принадлежат видимой, т.е. лексико-морфологически оформленной вселенной. Если же взять любое четырехбуквенное слово, то всевозможными перестановками его букв можно составить 24 анаграммы. Количество слов при всех перестановках (если оставить в стороне вопрос об ограничениях на перестановку таких букв, как *ь*, *ы*, *ъ*) формально определяется факториалом исходного числа букв, т.е. перемножением всех натуральных чисел от единицы до данного числа букв. Например, из пяти букв можно составить 120 слов:

$$5!=1x2x3x4x5=120$$

Из шести букв образуются теоретически 720 слов, из семи - 5040, из восьми - 40320, из девяти - 362880, из десяти - 3 миллиона 628 тысяч 800. После 10 прибавление каждой буквы в исходный набор меняет число возможных слов более чем на порядок: миллиарды, триллионы, квадриллионы и т.д.

Средняя длина русского слова, если округлить разные подсчеты, составляет примерно 6 букв. Это значит, что в каждом слове в среднем содержится 720 разных буквенных сочетаний, потенциальных инослов. Такова анаграммасса русского слова: только 0.13% (1:720) знаковой вселенной являются видимой, оформленной лексико-морфологической материей. В английском и французском языках, где длина слова меньше (около 5 букв), эта материя составляет чуть меньше одного процента (1 слово на 120 буквенных сочетаний), а в корейском, где средняя длина слова наименьшая, 3 символа, - 14% (1 слово на 6 возможных сочетаний). Правда, при этом еще не учитывается *анаграмматическая плотность* слова, из известных мне языков наибольшая в иврите, где почти любая перестановка букв в исходном слове образует иное слово. Это означает, что на 100 буквосочетаний приходится не одно реальное слово, а несколько десятков, что значительно повышает коэффициент "видимости", оформленности знаковой материи – в иврите она наибольшая. Высока концентрация видимой лексической материи и в английском.

5. Палиндромия как способ словообразования

В русском языке насчитываются порядка 10 способов словообразования: суффиксальный, префиксальный, префиксально-суффиксальный, безаффиксный, сложение основ, лексико–семантический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический, аббревиатура и др. Среди них не указывается "палиндромия". Между тем такой способ словообразования возможен – и потенциально необъятно продуктивен, поскольку в каждом слове, неотъемлемо от него, содержится иное слово, из того же буквенного состава, но в обратном порядке. Не составляет ли палиндромия словообразовательный потенциал языка? В русском языке всего 4400 исконных корней, - гораздо меньше, чем в языках германской или романской групп. Всякие возможности словообразования должны быть тщательно учтены. Палиндромия - способ почти удвоить русский словарь, ничего не придумывая, а исходя из его собственного состава, только освобожденного от пространственной однонаправленности, от стрелки, указывающей нам, откуда и куда: слева направо. А если мы хотим наоборот? Буквы располагаются в определенном пространственном порядке, но ведь пространство обратимо.

Такой опыт был у Андрея Вознесенского: в поэме "Оза" Зоя названа Озой, это ее поэтический, или, если угодно, мистический двойник. Имени "Оза" нет в календарном наборе имен, но поэт, переставив "з" и "о", вдохнул в него жизнь, дал ему заговорить. Реверсивный дельфиний язык разработал для своей поэмы "Дельфиниада" С. Кирсанов, где "человеческие" слова пишутся наоборот: "Ныс, / тьсап // ньусыв / хревв! / (Сын, / пасть // высунь / вверх!) Тьашыд / ботч. // (Чтоб / дышать)" и т.д.

Есть такие словообращения и в английском. У Сэмюэла Батлера (Samuel Butler) есть роман Erewhon (1872), в заглавии которого читается перевернутое "Nowhere" (с дополнительной перестановкой двух букв), т.е. "Нигде". По–русски это заглавие надо перевести как "Едгин". В этой стране перевернуты все ценности и понятия викторианской Англии. Среди едгинейцев преступление есть болезнь, а болезнь – преступление. Страну населяют жители по имени Нави и Ятак, а Мэри Робинсон звучит как Ирем Носнибор. В 1936 г. американский антрополог Ралф Линтон издал псевдо–академическое сочинение "Изучение человека", где описал акиремайцев (из страны Акирема), племя, живущее среди индейцев. Их культурный герой – Нотгнишав (Вашингтон).

Внутри каждого языка живет свой противоязык, точнее, своя "кызя". Ю. М. Лотман подчеркивает принадлежность палиндромии самым универсальным структурам как физической, так и знаковой вселенной: "Текст при "нормальном" чтении отождествляется с "открытой", а при обратном - с эзотерической сферой культуры. Показательно использование палиндромов в заклинаниях, магических формулах, надписях на воротах и могилах, т.е. в пограничных и магически активных местах культурного пространства <...>. Зеркальный механизм <...> имеет столь широкое распространение <...>, что его можно назвать универсальным, охватывающим молекулярный уровень и общие структуры вселенной". [13] То, что палиндромия – это "эзотерическая", вывернутая сторона культура, не отменяет универсальности зеркального механизма, как и способности его к обращению. Тайное становится явным, подполье переходит в институцию, эзотерика в экзотерику, периферия передвигается в центр, ось симметрии все время вращается, обеспечивая динамику культуре, пересечение ее бинарных границ. Так и для обратного порядка букв и смыслов может наступить свой черед, когда другие средства не будут обеспечивать необходимой динамики языка, которому необходим постоянный процесс деавтоматизации, преодоления своей инерции.

Современным грамматикам пора признать по крайней мере три новых способа словообразования, которые в настоящее время являются маргинальными, но постепенно могут приобрести важнейшую роль в лексическом обновлении языка на его собственной основе (без заимствований из других языков).

1. **Контаминация**, или **скорнение**

Так называется соединение начальной части одной основы с конечной частью другой. Прекрасные образцы есть у В. Хлебникова: *творянин – творить, дворянин (твор-* прибавляется к *–янин)*; *вольшевик – воля, большевик*; *дружево – дружба, кружево*… Хлебников же назвал этот способ "скорнением", срастанием разных корней. В современном языке, особенно публицистическом, контаминация становится все популярнее: *катастройка - катастрофа, перестройка* (слово А. Зиновьева); *демокрады - демократы, казнокрады*; *прихватизация - прихватить, приватизация; брехлама – брехня, реклама, хлам* (тройное скорнение, слово М. Эпштейна)

2. **Фанетика**, или **левописание** (в отличие от "правописания")

Этот способ получил распространение в так называемом жаргоне "падонков", или "олбанском" языке, который демонстрирует все возможности неверного написания слова при сохранении его произношения. Например, "аффтар" образовано от "автор" посредством "неправильной" графической артикуляции тех же самых фонем, что составляют слово "автор". Теперь, через три-четыре года после того, как этот язык вошел в моду (в 2005-2006 гг.), очевидно, что это было не просто молодежное стилевое поветрие, способ освежить, остранить язык, но и способ производства множества новых слов на основе альтернативного написания слов известных. "Автор" и "аффтар" – это теперь по сути два разных слова, как и "яд" – "йад". Они различаются не только стилистически, как литературный – и разговорный стиль. Они различаются своими лексическими значениями. "Яд" – отравляющее вещество, которым можно убить. "Йад" – это неопасно, это знак неодобрения, насмешки, а не угрозы. Так же и "превед" отличается от "привет", "кросавчег" от

[13] Лотман Юрий. Избранные статьи: В 3 т. Таллин, 1992, Т. 1, С.23.

"красавчик". Вообще многие неологизмы, образованные этим путем, имеют вторичное значение маркера – речевого стиля, в котором они употребляются. Они обозначают не только некий предмет, но и сам способ его обозначения. Они коннотативны и авторепрезентативны.

3. **Палиндромия**, или **противописание**

Особенность палиндромии как способа словообразования состоит в том, что он не предполагает морфемного разложения и нового синтеза данного слова. Этим способом образуются слова, сохраняющие буквенный состав мотивирующего слова, но выстраивающие его в обратном порядке, причем новым словам задается и значение, обратное мотивирующему слову. При этом имеется в виду палиндромия третьего типа, поскольку первые два типа, амбинимия (*шалаш – шалаш*) и ретронимия (*ропот – топор*), не образуют новых слов, а лишь используют симметрию слов, уже наличных в языке.

Только в этом третьем своем измерении палиндромия и становится поистине универсальной, а вместе с тем и проективной, т.е. начинает творить новые, потенциальные слова – из всех существующих. Конечно, кроме тех, которые уже охвачены первыми двумя видами палиндромии. Но амбинимов и ретронимов в языке – крошечное меньшинство (несколько сот) в сравнении с реверсивами (число которых равно всему словарному запасу языка минус амбинимы и ретронимы).

Я, разумеется, не предлагаю сочинять тексты, сплошь состоящие из палиндромов третьего типа, и не призываю заполонить ими русский язык – это было бы катастрофой. Остранение вещи и обращение ее имени – это редкая удача, которое достигается терпением, здравым смыслом и уважением к наличному словарю. Именно устойчивость словаря может обеспечить эффект внезапного структурного взрыва в одной из его частиц. Чтобы случилась странность, нужна привычка, автоматизация. Иначе получится малоинтересная абракадабра. Важно лишь помнить, что такой способ словообразования возможен, а удача того или иного реверсива зависит от случая, вкуса, изобретательности, изящества, звуковой игры, смысловой точности и т.д.

Скажем, есть в языке есть такой способ словообразования – сложение основ: *паровоз, дровосек, землевладелец, кровообращение* и т.п. Хорошие, обиходные слова. Но наличие такого способа вовсе не предполагает, что мы немедленно начнем спаривать все основы и производить таких уродцев, как "кррвовоз", или "парообращение", или "дровосос". Это только способность словообразования, очень избирательная и применимая далеко не ко всем словам и основам. Так и с палиндромией – "противописанием". "Гурд" мне кажется жизнеспособным реверсивом, а скажем, "еинелвя" (явление) – нежизнеспособным. И конечно, чтобы стать словом, реверсив должен получить значение и войти в употребление хотя бы узкого круга лиц, которые воспринимают его как самостоятельную лексическую единицу.

В теории словообразования есть понятие "мотивации": производное слово мотивируется производящим. Например, в лингвистике говорят, что слово "водный" мотивируется словом "вода". В языке практически нет немотивированных слов, т.е. взятых ниоткуда. Если такие звукосочетания и образуются, они, как правило, не остаются в языке, потому что их нельзя запомнить. Палиндромия – вполне мотивированный способ словообразования. Каждое слово мотивируется самим собой, своим фонетическим составом, а его смысл мотивируется смыслом исходного слова, ортонима.

Следует признать, что обратимость – не очень в природе русского языка, в силу его флективного строя, длинности слов, специфичности суффиксов и окончаний, которыми слова заканчиваются, но, как правило, не могут начинаться: *ние – еин, ство – овтс, ость – тсо*, и т.д. В русском языке гораздо меньше амбинимов и ретронимов, чем, например, в английском. Поэтому и для словообразовательной реверсии наиболее подходят короткие слова, без суффиксов и с нулевыми окончаниями, типа *друг – гурд, тело - олет, поле - елоп, вечер - речев, гнев - венг, снег - генс, пирог – горип, гриб – бирг.*

Чем больше букв в алфавите данного языка и чем больше средняя длина слова, тем меньше случаев палиндромии первого и второго типа и тем больше возрастает значение палиндромии третьего типа, т.е. не частной, а универсальной, охватывающей каждое слово. В иврите, с его 22 буквами и пропуском гласных, теснота словесного ряда столь велика, что почти любое сочетание букв, в прямом или обратном порядке, дает слово; поэтому здесь высок удельный вес амбинимии и особенно ретронимии. В английском языке, с его 26 буквами алфавита и средней длиной слова в 5 букв, буквенный ряд тоже достаточно плотен, хотя и не так, как в иврите. В русском языке, с его 33 буквами алфавита и средней длиной слова 6 букв, буквенный состав еще более разрежен, т.е. вероятность того, что из обратного порядка букв составится другое слово, уже наличное в языке, сравнительно мала. Тем самым усиливается роль в русском языке не избирательной, а универсальной и проективной палиндромии.

Р.В.Дуганов. Велимир Хлебников и русская литература. Статьи разных лет. / Сост. Наталия Дуганова-Шефтелевич. М.: Прогресс-Плеяда, 2008.
Десять лет назад ушел из жизни блистательный Рудольф Дуганов. Выдающийся хлебниковед, он держал в поле зрения весь свод русской литературы, долгое время преподавал русскую литературу музыкантам в Гнесинском институте. Затем работал в Институте мировой литературы. Ученый подготовил и издал несколько книг Велимира, выпустил замечательную книгу о поэте, наконец разработал концепцию Собрания сочинений Хлебникова. В новую книгу Рудольфа Дуганова вошли работы 70-х-80-х годов. Они публиковались в те годы в журналах и каждая такая публикация была значимой. Собранные в книгу, статьи как бы собирают в фокус главные идеи исследователя. Тонкий анализ литературной ткани, диалогичность мысли ученого захватывают снова и при перепрочтении. Для новых читателей эта книга станет помощником в открытии путей к постижению русской литературы и главному и особенному герою исследований Дуганова – Велимиру Хлебникову.

Русские писатели. XX век: биографический словарь./ Сост. И.О.Шайтанов. М.: Просвещение, 2009.
Словарь, учитывающий многие направления в русской литературе XX века. В том числе авангардное. Представлены: Елена Гуро, Велимир Хлебников, Владимир Маяковский, Давид Бурлюк, Алексей Крученых, Василий Каменский, Бенедикт Лившиц, Игорь Северянин, Семен Кирсанов, Илья Сельвинский, Виктор Шкловский, Константин Вагинов, Александр Введенский, Николай Заболоцкий, Николай Олейников, Даниил Хармс. Из более близких по времени Геннадий Айги, Андрей Вознесенский, Всеволод Некрасов, Генрих Сапгир, Виктор Соснора, Игорь Холин.

Магдалена Костова-Панайотова. Руският XX век чете: класиката, без която не можем. Благоевград, 2008.
В новой книге известной болгарской исследовательницы русской литературы речь идет о многообразных взаимодействиях писателей XX века с классической литературой. Поразителен диапазон охвата: от символистских рецепций классики до постмодернистских и даже пост пост. С классикой взаимодействуют Николай Минский и Ходасевеч, Г.Иванов и В. Набоков, Мандельштам, И.Бродский, Вс.Некрасов, Б.Акунин, А.Королев, В.Пелевин и С.Минаев. Это если только брать основных героев статей, собранных в книгу. А упоминается множество имен и параллелей. Исследовательница вычленяет и рассматривает различные темы и подступы к классике, характерные для разных писателей и разных периодов века: от канонического, до ниспровержения канона. В целом же читатель может сделать вывод, что классика и классики находятся в постоянном диалоге с писателями новейших времен. И не всегда точно известно, кто инициатор этого диалога – современный писатель или классик! Потому что, если мы обращаемся к тому или иному писателю прошлого, значит он продолжает нас чем-то задевать, волновать, тревожить. И книга Костовой-Панайотовой весьма далека от академического спокойствия и от априорных утверждений. Исследовательница также взаимодействует с классикой, не только опосредованно, через своих героев, но и непосредственно.

А.Ник. Будильник времени. Стихи. Издатель Виктор Немтинов. Спб.,2008.
Небольшая по объему, но весьма отличная от множественной стихотворной продукции книга.
Как говорится, "томов премногих"... А.Ник – легендарная фигура ленинградского андеграунда. В 70-е годы он уехал на родину жены – в Прагу, продолжая и там пребывать все в том же андеграундном состоянии. В книге собраны как раз тексты 70-х годов. Подлежат анализу и осмыслению! Здесь можем привести один апрельский текст для вящей задумчивости:
В молчании сердитом
стоит часовой
Тикает будильник времени
над его головой
Стоит солдат задумчиво
и взглядом смотрит в цель
Февраль давно уж кончился
сегодня же апрель
1 апреля 75 г.

Борис Ванталов. Записки неохотника. Неполное собрание текстов.В оформлении обложки и книги использована графика Б.Констриктора. СПб.-Киев: Алетейя-Птах, 2008.
Логично представить непосредственно за книгой А.Ника книгу Б.Ванталова. Слишком тесно связаны два персонажа ленинградского андеграунда, не только творчески, но еще и кровным родством, несмотря на столь разные стили и творческие имена, которых у второго даже несколько! Например, когда Борис Ванталов доверяет оформлять книгу художествам Б.Констриктора, то кто же может догадаться, что в перспективе параллельные пересекутся, согласно Лобачевскому. Книга рассчитана на неторопливое чтение долгими зимними вечерами, желательно при отблесках каминного пламени. Книга художественна в высшей степени, но в то же время является необыкновенно правдивым документом целой эпохи. Не хухры-мухры! На страницах книги появляются и не исчезают невероятные фигуры героической эпохи: Борис Кудряков, Леон

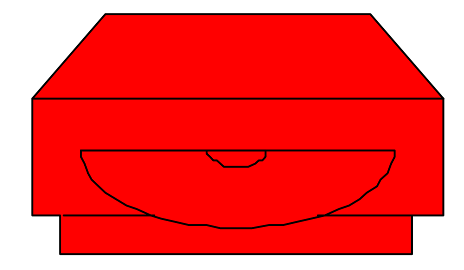
Богданов, Владимир Эрль, Ры Никонова, Сергей Сигей... В книгу включена и подборка писем А.Ника к автору. Почти каждое должно быть выбито на камне. Например вот это: "Пиши, пиши, потом издадим архив братьев Аксельрод, как был издан архив братьев Тургеневых, или, по крайней мере согреемся, когда не будет дров".

Leonid Aronson. Innenfläche der Hand. Gedichte. Aus dem Russischen von Gisela Schulte & Marina Bordne. Leipzig: Erata, 2009.
Двуязычная книга также легендарного автора ленинградского андеграунда Леонида Аронзона (1939-1970), погибшего в результате несчастного случая в возрасте 31-го года. Открытие этого поэта растянулось на несколько десятилетий. Наиболее полное собрание произведений вышло в России в 2006 году. Это издание, наконец сделавшее имя поэта известным за пределами литературного круга, в какой-то мере стимулировало появление немецкой книги. Издательство Erata провело презентацию книги во время Лейпцигской книжной ярмарки в марте этого года. Стихи Аронзона по-русски читал Сергей Бирюков, переводы читала редактор книги Зильке Бром.

Сергей Бирюков. Встреча на авеню Айги. Париж, 2009.
Коллекционная книга ручной работы в количестве 25-ти нумерованных экземпляров, выполненная известным парижским русским художником Николаем Дронниковым. В основе книги эссе С.Бирюкова, опубликованное в прошлом номере нашего журнала, своеобразно проиллюстрированное работами самого Дронникова. Здесь портреты Айги, Бродского, Бирюкова, Растроповича, Солженицына, Атнера Хузангая, Арсена Мирзаева, Ольги Платоновой, Михаила Богатырева, а также портрет руки Рихтера, оригинальные виды Парижа. И автопортрет самого Николая Дронникова, известного любителям поэзии целым рядом книг, созданных им в соавторстве с Геннадием Айги.

А.Крученых, В.Хлебников. Мирсконца /Подг. текста и предисловие Сергея Бирюкова.Madrid: Ediciones del Hebreo Errante,2009.
Из аннотации: «Мирсконца», изданная литографским способом Алексеем Крученых, была
по-настоящему первой книгой русского авангарда. Это прежде всего касается «примитивного» способа ее изготовления. Тексты были написаны от руки и соединены более или менее произвольно с рисунками. Обложка была коллажной, что само по себе явилось новшеством в изготовлени книги. Под этой обложкой собрались художники Н.Гончарова, М.Ларионов, Н.Роговин, В.Татлин и поэты А.Крученых и В.Хлебников, создав книжку, название которой выразило наиболее полно «идею» русского авангарда как свершившегося «конца», а не просто «будущего». До сих пор эта книжка воспроизводилась репринтом со всеми погрешностями, которые мешали ее восприятию. В настоящем издании тексты набраны соответствующими шрифтами, а рисунки вычищены от всех «грязнот», т.е. речь идет не просто о «новом», а о первом издании книги, сохраняющем ее идеальную структуру,
но устраняющим всё наносное и случайное. Подготовка текстов, вступительная статья и комментарий принадлежат поэту и исследователю русского поэтического авангарада Сергею Бирюкову, коллажная обложка изготовлена Михаилом Евзлиным.

Б.

IN MEMORIAM

GОД-БЕZ-АННЫ

К ГОДОВЩИНЕ ГИБЕЛИ АННЫ АЛЬЧУК
(28 мая 1955 – 21 марта 2008)

Наталия АЗАРОВА
Natalia Azarova
(Москва)

ПИСЬМА К АНЕ

* * *

анна-граммы яуми
в день рождения

анна альчук
ан куча льна –
тюльпанна
качала noon [nu:n]
в полдень тюльпанна
чан лань куна
– другой зверёк

Москва, 28 мая 2004

* * *

с утра
фонт-анна
в сумерки
кашт-анна
чуть
ватик-анна
при луне

Рим, 11 ноября 2003

* * *

ракурс-отмерен-
рима-день-час-иначе-
ри-тм-ми-стерии.

я-там-у(з)нна-you-анну?

бе-ри-бе-ре-т-для-встречи.

Москва, 2-4 ноября 2003
(из книги танок «57577»)

* * *

пушистый мальчик
чувственные-губы-под-
очками-прячет.
скрыт паж в четырёхмастной

причёске женской маски.

Москва, 23 ноября 2003
(из книги танок «57577»)

* * *

с верхних двух стёкол
проч(ь)-или-бликами-смерть
головы мокли
чёрной и крапчатой рек
устья-мисти-хли-в-месте

Москва, 7-12 декабря 2003
(из книги танок «57577»)

* * *

проекции

гаданье –
ад?
дань
ане? –
если так
то с мягким знаком

Москва, 9 декабря 2003

* * *

А.А.А.

плачщ –
(плачешь)
плакала

лак-смыла-лак
сослов
ошибкой

на теле
приоткрылись
поры

прыщики
промокли
под плачщом

Москва, 3 декабря 2003

* * *

ане

покидая январь
my-amie к-тебе
покидаю майями
от-подниматься

во-воспоминания
во-зникают-буд-то
носом-наискосок-над-облаком
чуть и в прошлое глядят
января клеёнки внизу-для-завтрака
до-завтра
my-amie
до
половины января

Майами-Нью-Йорк-Москва,
12-14 января 2004

* * *

загоризонталь

за непрозрачность стёкол

след-лепетом

си-рот

забит-солёный

глаза-изображая

Москва, 9 марта 2004
(из книги танок «57577»)

* * *

мерк-нет
просвета
в обетами стриженый сон
восснилась к тебе
меркой
парада пла-
нет
смерти твоей в моём сне

Москва, 21 марта 2004
(из книги танок «57577»)

* * *

Ане А.

в падении
свобо-дно
вверх
дном
перевернула
и стекло и время сломала
в талии
часы упали-и
ускорением-просыпались
песком
у-сеян-о-дно-осталось
по жизни ходить-вдоль

расхаживать:

вот снизу –
крохкий песок

из-зо-ло-ти-сто
единых
крупиц

(поднимаются
в малую бурю)

Москва, 13 августа 2004

* * *

Анне Альчук

из Верхних Мандрог
пишу тебе,
дорогая
перебирая
корней сувениры
(январь)
воспоминаний
коряги
(март)
варяги
драги

шарят по дну головы

мандрагóры –
угóльные горы

мантии-мантуи-мантры

звук
мандражирующий
в вол-окно
ночное
занеси в свой спросонник

спустившись
ногами голыми

подними с полу жизнь –
лежит-там вторую неделю
нетронутая
полуживая

Верхние Мандроги, 26 августа 2004
(угадывание аниного стихотворения
«МАНДРАГОРА»)

* * *

Ане

запись сна оснований
о-снов-ани-я шаткие сна
разлезаясь мимо скрепок

на-недельные страницы
дня сердцевина
отделена ото дня

отдельные круглые
снова
острова́-волосики выступают из озера

не просыпаясь не кончаются
дремля
и
новое
залежавшееся на дне

нужна другая драга
зачерпнуть

Москва, 3 сентября 2005

*   *   *

Ане от
Андро-махи

а хам орд на
тебе –
оказался
женщиной-ню*

*nu –
1) обнажённый
2) т.е. единый наоборот
3) т.е. оборот единого

Ситжес, 28 апреля 2005

записка в ответ на анино стихотворение:

феминистское

Трои-кратное   горе
где Гектор и где
Andro?
маха лежит обнаженная
<…>

*   *   *

А.А.

был
ум и рая
не бу –

будто
у мира я
была
в-гостях
так бесконечно

Москва, 28 мая 2005

* * *

ещё письмо ане

у меня было много дождей в нью-йорке
так-что-и крем
увлажняющий ум
не понадобился
ощутимее –
вес-невесомости
какбудто
письменная вода
и-ли-да-же
письменный воздух
так-что-и
пространство
почти-не
натравлено
хотяи
слегка
потрачено

Нью-Йорк, 6 февраля 2006

* * *

письмо Ане

– бором заправилась
и на всех парах аромата

он спешил
очевидностью взбудораженной

день продлевал вдогонку

на день натягивал дно за дном

– солнце проводила до забора
а утром
стекло солнечной пыли в душе

– это в бору
а в баре
темно и ждут
тебе пишу
в самолётной очереди стою
третьей птицей на лапах
развернут
приделают новые мокрые крылья
в воздухе дождь идёт
по стеклу
и-только

– а внизу
на земле сухо

Москва, 26 июля 2006

* * *

ане-в-берлине
неверлибр

о дни сложения листьев!
умножения налипших!
женское жёлтое жизни
в золу не спалили!
даже заморозки накопились!

вижу – ты – в – стеклянном – тепле –
– вокзала – одна

о тебе размножаю мысли

Бор, 16 октября 2006

* * *

можно на Ты обратиться к городу
ну Ты нью Ты
не отделаешься лёгким вдругом

можно на Ты обратиться к дереву

дерево откровенно произрастало

эй-дерево! я к Ты всетело

———

а ты за океаном отошла в вещь
в ума нетто
в трубчатую болтовню
твоего сознания гетто
яснее чем-сейчас? а Ты?

Нью-Йорк, 29 ноября 2006

* * *

ане о
подмосковьи

ты знаешь здешний пейзаж облупленным
говоришь как облупленный знаешь
пейзаж
его учёно незнание
кучи знаний на окна нанизаны

ну как же можно спать в поезде
на нижней полке?
мимо что ни дерево то неиное
снова во всём есть хотя бы всё от всего

Москва – Одесса, 6 июня 2007

* * *

идём-по-береговой-линии-вдоль-сознания
сине-сизое-сознание-вдоль-гор
все они-горы-и-море-положены ровно вдоль
смазан их узор глубок их мускат
доньев ладонь береговыми линиями вдоль
шагая на юг приближаешь конец
все проявлено а ты куда делась?

Ялта, 9 июня 2007

* * *

шуточное домашнее
не для печати

– земля благородна
она шаровидна
у мира нет центра
но есть середина
к примеру у рек

абрек
пушкин забыл
про пыль про дуэль
фруктовую быль
придумал:

хожено в рай –
потолок полосат
я полосата
так выглядит замысловато
родословная от адама
как в крымской татарской хате
неправильный кусок из корана

– хотя и
по ходу правильным
похожим
родился ноль

я так ловко полагала
я никого не надула

чтоб было понятней
поплыли в дельту

здесь зелёное распелёнуто
а непохожее развёрнуто

аня размышляя о шлюзе
не связывайся с рифмой узы
и зухра тебе то же самое скажет
и зелёный нолик положит

Бахчисарай – Днепр, 11-12 июня 2007

* * *

лишь

как найти ли?
ушла шла ушла

краски разбавлены серой ушной
глаз размешай в ушной слух

идёшь шла идёшь

крытые лавки глаз бледны и заперты уж
мешки серого марта набухли
толстым телом потопа топаешь

шла убыль за убылью

уйдёшь доро́гой дроглой за́ворожь
ушли на бледных лебединых ногах
бедой наотрыв заплатаны
бёдер вёдер грома синяки

как найти потом ушлой ли?

Москва, 30 марта 2008

* * *

купи очки
а то трава ползёт в глаза
порядок за порядком
прель вращая
покачивая
горемнегорем горная
животрепещущая зелень
весенних-балконов вечерний лопух
произрастаем здесь

а ты детской лопаткой
винтовкой сабелькой железной
ров
в прочь
выкопала

в собственный
май раскорябан в маки

СПб. – Москва, 18 апреля 2008

* * *

объяснительная записка

приснилась
под глазами висели весёлые круги
идёт склонясь и слева
каблуками увязая в мел
я выговаривала
как тебе не стыдно – ты самоубийца
и требовала
больше так не будешь – ну скажи
обшарпанная грешница
председатель депрессий
тебя уже в золу сожгли
не знаю ну не знаю отвечает
девятнадцатое впереди
предупредила
сквозь золотые лапки пыли
я и не села в самолёт

ждала что слова будто бы
бледнеют во время обеда
и в прочем быту

Москва, 21 августа 2008

* * *

Ане

думала уместней умереть
ушиблась
ошибалась как февраль
из разных форм
мело́
был пряный веник карнавала
лавы хвалы   халвы   волхвы
волшебники
хлопьями холода
дрожала
неслетающая кучка мыслей
в совок
всё собрала и выбросила

сь

Москва, 9 декабря 2008

Татьяна ГРАУЗ
Tatiana Grauz
(Москва)

Д Ю Н Ы

Анне Альчук

ДИ-ПТИХ-ДИ-СТИХ

1.

и стена белизною НИЧТО
беззучия оголенного-оглаголенного
зебрится
льнет к имени АН
НА
апрель
Ю глаголет

весна 2006 г.

2.

дюны и только
а буквы едины
звуки черешневые вонзаются в нёбо
только бы не спугнуть
а н н е т же л е т я т
к не бу
а н н ы

25 февраля 2008 г.

СТОГА СЛОВ

уловленным чокнутым звуком изменчивым
в гелиевое зелёное небо
в реку его
в сердцевину
куда не доплыть
ааа –
прель
в лес-слов
в младенческий лепет
синью-синицей просится
нь –
ююю

КИРПИЧИКИ

шелест страницы почки набухшие

з в к

(в воздухе
кирпичики скрипичные невесомые)

у и

(лугом цветущим и заливным)

жить жить т о р о п я т с я

ЗА НАС

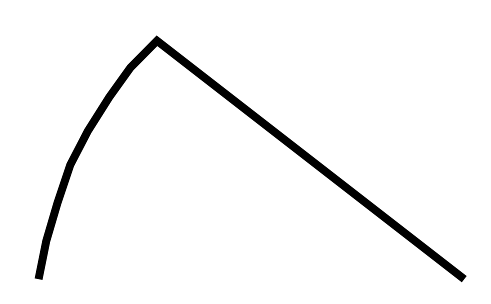
о тебе о за ны*
заныла душа

(за облаками полуденными её даль)

за небо упала
взлетела в ны
и за ны
о тебе о душа за
ныла

(зола о душа о тебе)

**за ны (старосл.) – за нас*

АВТОРЫ НОМЕРА

Наталия АЗАРОВА (Москва, Россия)
поэт, визуальный поэт, филолог [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 1, 2, 8]

Ростислав АМЕЛИН (Москва, Россия)
молодой поэт, сын поэта Максима Амелина. [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: [№ 8]

Виктория АНДРЕЕВА (Москва, Россия))
поэт, прозаик, издательница, была одной из основательниц соредактором журнала «Гнозис» [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: № 8]

Сергей АРЕФЬЕВ (Н.Новгород, Россия)
поэт, музыкант, перформер, участник арт-сообщества «Круг CheperPaxa» [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 4, 5, 8]

Николай БАЙТОВ (Москва, Россия)
поэт, прозаик, бук-артист, перформер, основатель (вместе со С. Литвак) Клуба литературного перформанса [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№1, 2, 3, 8]

Сергей БИРЮКОВ (Халле, Германия)
поэт, саунд-поэт, филолог, крупнейший исследователь русского и европейского авангарда, основатель Международной Академии Зауми, соредактор журнала «Другое полушарие» [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 1 – 8]

Татьяна БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ (Сидней – Москва)
прозаик, поэт, визуальный поэт, филолог, исследовательница комбинаторной словесности, автор учебного курса по комбинаторике и фундаментальной монографии «Введение в литературу формальных ограничений: Литература формы и игры от античности до наших дней»; куратор австралийского фестиваля русской литературы «Антиподы» [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 1 – 6, 8]

Пётр БРАНДТ (СПб, Россия)
Поэт, прозаик, эссеист, живой классик русской неофициальной поэзии 1970-х [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: № 8]

Александр В. БУБНОВ (Курск, Россия)
Поэт, филолог, исследователь литературной комбинаторики, защитил первую в России диссертацию по проблемам палиндромистике [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 1, 2, 4, 5, 6, 8]

Татьяна ВИНОГРАДОВА (Москва, Россия)
поэт, прозаик, филолог, художник, защитила первую в России диссертацию по проблемам русской рок-поэзии [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 2, 4, 6, 8]

Михаил ВЯТКИН (Москва, Россия)
Поэт, культуртрегер [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 2, 6, 7, 8]

Николай ВЯТКИН (Москва, Россия)
Художник, визуальный поэт [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 2, 6, 8]

Валерий ГАЛЕЧЬЯН (Москва, Россия)
Поэт, визуальный поэт [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 7, 8]

Tim GAZE (Аделаида, Австралия)
Художник, визуальный и сануд-поэт, саунд-артист, перформер, редактор австралийского альманаха визуальной поэзии “Asemic” [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 7, 8]

Татьяна ГРАУЗ (Москва, Россия)
Поэт, прозаик [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: № 8]

Борис ГРИНБЕРГ (Новосибирск, Россия)
Поэт, комбинаторный поэт [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 1, 2, 5, 7, 8]

Савелий ГРИНБЕРГ (Израиль)
Поэт, переводчик, комбинаторный поэт [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: № 8]

Дмитрий ДМИТРИЕВ (Могилев, Беларусь)
Художник, поэт, визуальный и комбинаторный поэт [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 3 – 8]

Сергей ЗУБАРЕВ (СПб, Россия)
Поэт, прозаик, драматург [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 2, 4, 8]

Елена КАЦЮБА (Москва, Россия)
Поэт, комбинаторный и визуальный поэт, исследователь комбинаторных форм в поэзии, создательница первого палиндромического словаря русского языка, соредактор «Журнала ПОэтов» [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 1, 3, 8]

Константин КЕДРОВ (Москва, Россия)
Поэт, комбинаторный и визуальный поэт, эссеист, критик, издатель «Журнала ПОэтов», теоретик метаметафорической поэзии, лидер литературной группы ДООС [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 1, 3, 8]

Эдуард КУЛЕМИН (Смоленск, Россия)
Поэт, художник, дизайнер, визуальный поэт, перформер, инициатор и участник многих мультимедийных акций, лидер «Ассоциации проклятых поэтов» [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 3 – 8]

Света ЛИТВАК (Москва, Россия)
Поэт, визуальный поэт, художник, перформер, основатель (вместе с Н. Байтовым) Клуба литературного перформанса [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 1, 2, 4, 5, 7, 8]

Алексей ЛОСКУТОВ (СПб, Россия)
Поэт, прозаик [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 6, 8]

Арсен МИРЗАЕВ (СПб, Россия)
Поэт, визуальный, комбинаторный и заумный поэт, редактор, исследователь русского авангарда[ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 2, 3, 8]

Александр МОЦАР (Киев, Украина)
Поэт, художник, визуальный поэт, мэйл-артист [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 1, 2, 3, 5, 8]

Аркадий РОВНЕР (Москва, Россия)
Поэт, прозаик, издатель, эссеист, выпускал культовый альманах «Гнозис» [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: № 8]

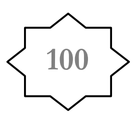
Алексей РОМАНОВ (Н.Новгород, Россия)
Поэт, музыкант, перформер, участник арт-сообщества «Круг CheрepРаха» [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 4, 5, 8]

Наталья РУБАНОВА (Москва, Россия)
Поэт, прозаик, редактор [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 5, 6, 8]

Milagrosa Romero SAMPER (Испания)
Художник, визуальный поэт [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: № 8]

Сергей СВИРИДОВ (Рязань, Россия)
Поэт [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 1, 8]

Александр СМИРНОВ (Ярославль, Россия)
Художник, визуальный поэт [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 4, 5, 8]

Евгений СТЕПАНОВ (Москва, Россия)
Поэт, прозаик, критик, издатель, организатор литературного процесса, редактор-издатель литературных журналов «Дети Ра», «Футурум Арт», «Зинзивер», «Другие», газеты «Литературные Известия», организатор фестиваля «Другие» [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 1, 2, 3, 5, 8]

Наташа ХАЙКИНСОН (Москва, Россия)
Художник, визуальный поэт [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: № 8]

Евгений В. ХАРИТОНОВЪ (Москва, Россия)
Поэт, саунд- и визуальный поэт, музыкант, критик, издатель, культуртрегер. Редактор-учредитель журнала «Другое полушарие», организатор единственного в мире саунд-лэйбла, издающего саунд-поэзию “Another Hemisphere Records”, куратор фестиваля экспериментальной и саунд-поэзии «Лапа Азора» [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: №№ 1 – 8]

Михаил ЭПШТЕЙН (Атланта, США)
Филолог, эссеист, исследователь поэтики литературных архетипов, истории советской идеологии, семиотики [ПУБЛИКАЦИИ В «ДРУГОМ ПОЛУШАРИИ»: № 8]

